

ЭЛЛА ЛЕУС

РАССКАЗЫ

Одесса 2013

ЛЕСТНИЦА ИЗ СЛОВ ЭЛЛЫ ЛЕУС

Мне нравится проза на вдохе и выдохе, похожая на дыхание. И проза Эллы Леус именно такая. У нее четко выстроенный сюжет, интересно выписаны характеры героев.

Многое в этих рассказах остается за кадром — читатель должен сам догадаться, что будет дальше, ибо правильно написал Давид Самойлов: «Жизнь сплетает свой сюжет...».

Элла Леус пишет поэму о Городе, где она живет, Городе, который находится рядом с морем. «С бульвара было видно стальное море, слегка баюкающее корабли на своих волнах. Они, казалось, дремали.

А вдалеке, словно нанизанные на ниточку горизонта, парили другие, с растушеванными сероватой дымкой силуэтами» (рассказ «Время встречи переносится»).

Центральным произведением этой книги, на мой взгляд, является рассказ «Фейерверк для Достоевского, или сотворение человека», где есть необычный сюжет, внезапные переходы, умный кот и наша сегодняшняя жизнь, отнюдь не счастливая, с ее жестокими разочарованиями. Этот рассказ кинематографичен. Осталось только найти режиссера, деньги, а со сценарием автор наверняка справится.

Элла Леус в рассказах намеренно скрывает свои эмоции — пытается быть просто наблюдателем, но... Впрочем, об этом судить вам, читатели.

Игорь Потоцкий

БОНСАЙ

Э тот подарок вызвал у Эрика недоумение. Зачем ему дерево в горшке? Пусть даже японское и диковинное, но что ему с ним делать? До своих тридцати пяти он никогда растений дома не держал. Лучше бы приятель ящик пива купил на день рождения!

— На кой мне эта икебана? — благодушно возмутился Эрик.

— Не будь болваном, их и без тебя хватает! — парировал приятель. — Это же — бонсай, декоративное дерево, вечнозеленый кипарис. Бонсай теперь в моде и, говорят, счастье приносит. Хочется верить, что не только в Японии.

Дерево было забавно скрюченным и совершенно не вписывалось в обстановку загроможденной компьютерной техникой комнаты. Но каким-то непостижимым образом оно придало помещению жилой вид. Его сочно-зеленая густая крона плотно облепила верхушку конусообразного волокнистого ствола. Эрику почудилось, что его холостяцкая берлога преобразилась: серый цвет угас и появился зеленый, радостный. Сначала это его раздражало, но он быстро привык к деревцу и стал даже иногда с ним разговаривать.

— Здорово, Бонсайчик! Что у тебя нового? — интересовался Эрик, чокаясь чашкой кофе с керамическим краем горшка. — У меня пока все в порядке, но ты об этом и сам догадался, не так ли?

Жаль, что все вопросы Эрика кипарис оставлял без ответов, наверное, считал их слишком наивными.

Глубокой ночью Эрик заканчивал работу на компьютере. Он бросал взгляд на деревце, и оно почему-то казалось ему ус-

талым и грустным. Но днем кипарис, словно выспавшись, выглядел бодрым, как лыжник на старте.

Внезапно давно устоявшиеся привычки Эрика начали меняться. Он, обычно по-рыбы молчаливый, переступив порог квартиры, громко произносил: «Я вернулся!». Кому предназначались эти два слова, он толком не знал. Наверное, все-таки кипарису — больше некому. И ему казалось, что деревце приветствовало его едва слышным шелестом своих маленьких ветвей.

Эрик регулярно поливал бонсай и удобрял согласно инструкциям, вычитанным в интернете. И кипарис чувствовал себя отменно, недаром его гляцевая зелень оставалась свежей и яркой.

— Сударыня Деревяшка, — ласково обращался Эрик к деревцу, — растешь, не зная печали. Меня вчера чуть с работы не уволили, а тебе хоть бы хны! Сочувствия от тебя не дождешься.

Однажды Эрик заболел и с ужасом подумал, что его вирусом может заразиться де-

ревце, а он не в силах будет ему помочь. С человеческими болезнями все понятно: глотни таблетку, закапай нос, компресс на горло, чай с малиной — и лежи, выздоравливай. Но кипарису аспирин и мед наверняка не помогут.

Через неделю выздоровев, Эрик заметил, что кипарис пожелтел, да и крона его потускнела с той стороны, где больше была на солнце. Эрик ругал себя, что во время болезни редко подходил к кипарису. Он запаниковал и заметался в поисках средств от этой напасти. В интернете он ничего не нашел и тогда принялся звонить знакомым. Бывшая его соседка Белла Самойловна Клигман дала разумный совет:

— Возьми растение и зайди в ближайший цветочный магазин. Там тебе наверняка помогут.

Эрик схватил горшок с кипарисом и рванул в большой торговый центр, находящийся в нескольких кварталах от его дома.

На душе было тревожно. «Нужно идти побыстрее, — подгонял он себя. — Деревцу, наверное, больно, и каждая минута на

счету!». Он почти бежал и замедлил шаг только перед магазином. Ему казалось, что все прохожие глазают на него, обнявшего увесистый горшок. Плевать ему на них! Главное — выручить деревце, все прочее не имеет значения.

Вот наконец-то и нужный отдел. В просторном помещении сыро и тихо. Между длинными рядами растений неторопливо прохаживается несколько покупателей.

Симпатичная черноглазая продавщица-консультант, одетая в новенькую униформу, скучала у кассы. Она улыбнулась Эрику. Ее улыбка называлась «Можешь пригласить меня на свидание».

Эрик, слегка запыхавшийся от быстрой ходьбы, поставил перед ней деревце. Девушка явно ждала ответной улыбки Эрика, но он этого не понял. Он был слишком взволнован, даже побледнел.

— Вот! — выпалил он. — Что-то с ним не так! Оно пожелтело! Видите, какой у него унылый вид? Он заболел!

— Кто заболел? — удивилась она и пошутила:

— Неужели у куска пластика поднялась температура?

— Все было хорошо... А теперь... Пожелтело... — Эрик подумал, что девушка близорука, а очки не носит. — Боюсь, я что-то напортачил. Может моему кипарису укол сделать?

— Кажется, вам укол надо сделать. — Глаза у девушки погрустнели: симпатичный посетитель не обращал на нее внимания. Тон ее стал сухой и отрывистый:

— Искусственные деревья не болеют. Пластмасса, выгорев на солнце, поменяла свой цвет. Только и всего.

— Искусственное? Не может быть! Я вам не верю! — Эрик не заметил, что перешел на крик. Его лицо покрылось испариной. Пошатнувшись, он схватился за полку с вазонами. Продавщица вскочила, освободив Эрику табуретку.

— Вам плохо? Пожалуйста, присядьте! — Она схватила рекламный проспект и замахала им, как веером. — Может, вам валерьянки накапать? Что это вы, молодой человек, надумали в обморок падать, буд-

то у вас случилось горе? Никто же не умер.

— Умер? — переспросил Эрик. — Ну да, неживой — значит, мертвый. И что мне теперь делать без моего кипариса?

— Господи, другой купите, настоящий, вон их у нас сколько! Главное, что вы пришли в себя. А хотите, я сделаю вам самую большую скидку, как члену общества любителей живой природы? Еще могу провести экскурсию по нашему отделу. Только для вас. И вы выберете себе какой-нибудь бонсай.

— Нет! Еще заболает, а я буду страдать вместе с ним!

Он взял свой горшок с кипарисом.

— Мы, пожалуй, пойдем домой. Спасибо вам, простите за беспокойство.

— Я буду вас ждать! — пообещала девушка. — Ожидание — самая дорогая вещь на свете...

Дома Эрик водрузил кипарис на прежнее место, внимательно осмотрел каждый листочек и хмыкнул:

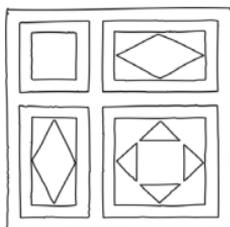
— Пластиковый! Тоже мне проблема.
У каждого из нас свои недостатки.

Он взял лейку и, заботливо полив дерево, уселся за компьютер.

Эрик до сих пор регулярно поливает кипарис.

Всякий раз, входя в квартиру, он произносит: «Я вернулся!». Постоянно желает кому-то вслух доброго утра, приятного аппетита, сладких снов. И думает, что так будет всегда. Во всяком случае, привычки свои менять он пока не собирается.

ВРЕМЯ ВСТРЕЧИ ПЕРЕНОСИТСЯ

Гигантская Лестница вела вниз от бульвара к порту.

При виде такого множества ступеней у Алены всегда кружилась голова. Она боялась, что не одолеет этого спуска. Наверное, поэтому важное свидание было назначено не у самой Лестницы, а дальше — у маленького фонтанчика, украшенного мраморными амурчиками и розами.

Они должны были встретиться в десять часов утра — вечером его корабль надолго покидал порт. Им предстояла разлука, но этот день они должны были провести вместе.

Алена пришла на бульвар заранее — в половине десятого. На бульваре было безлюдно. Она села на скамейку. Накрапывал дождик, и ей пришлось набросить прозрачный целлофановый дождевик. Ее волосы стали влажными. Она заколола их на затылке.

Алена достала из сумочки томик стихов, но читать не стала. Она смотрела на порт. С бульвара было видно стальное море, слегка баюкающее корабли на своих волнах. Они, казалось, дремали. А вдалеке, словно нанизанные на ниточку горизонта, парили другие, с растушеванными сероватой дымкой силуэтами.

«Интересно, где находится его корабль? Большой белый или тот, поменьше?» — гадала Алена. Она посмотрела на часы на фасаде мэрии. Без десяти десять. Еще рано, можно помечтать. Она принялась придумывать, куда они пойдут. В голову приходила только прогулка по городу с заходами в кафе. В кино идти, пожалуй, не стоит. Зачем отвлекаться друг от друга? Лучше просто сидеть здесь на скамейке и раз-

говаривать. Дождик им не помешает.

Алена задумалась. Она улыбалась, вспоминая их первую встречу и его засиявшие глаза, когда он увидел ее. Он долго не отводил взгляда, что заставило ее смутиться. Сразу стало ясно, что он подойдет к ней и заговорит. Так и произошло. Она была так взволнована, что половину сказанного им не запомнила. Да это было и неважно. Главное, что он смотрел только на нее.

Прошли одна неделя и два свидания, а Алене казалось, что пронеслись годы.

Из задумчивости Алену вывел голос:

— Обидно, черт возьми, мадемуазель, что у моего памятника, так сказать, в моих пенатах, вам вздумалось читать *не мои* стихи. Не слишком любезно с вашей стороны.

Рядом с Аленой на скамейку присел смуглый молодой человек с черными бакенбардами, какие носили шеголи в девятнадцатом веке. Алена настороженно посмотрела на него, потом взглянула на памятник в конце аллеи. Пьедестал был пуст. «На реставрации», — мысленно предположила Алена.

— Но, с другой стороны, — продолжал странный незнакомец, — есть нечто замечательное в том, что девица вашего возраста в нынешнее время носит с собой книгу стихов.

— Вот и не придирайтесь, дорогой Поэт, — раздался другой голос.

Солидный мужчина в старомодном длинном макинтоше учтиво поклонился Алене и поцеловал ей руку.

— Позвольте присесть? — спросил он и опустил на скамейку.

— Знакомьтесь, мадемуазель, это господин Градоначальник. Правда, он давно в отставке. Можно считать его почетным пенсионером.

— Благодарю вас, дорогой Поэт. — Градоначальник устало улыбнулся.

Его осанка кого-то Алене напомнила. Она посмотрела на другой памятник, расположенный с противоположной стороны бульвара. Его пьедестал тоже был пуст. Градоначальник перехватил ее изумленный взгляд и доверительно шепнул:

— На реставрации. — Он улыбнулся и

осведомился: — Что привело вас, дитя мое, пасмурным воскресным утром к нам на бульвар?

— По-моему, и так все ясно. Романтическое свидание, — небрежно ответил Поэт вместо Алены.

— Так рано? — удивился Градоначальник.

На часах было четверть одиннадцатого. Алену это немного встревожило.

— Опаздывает кавалер? Ничего, прибежит, никуда не денется, — успокоил Поэт.

— Если бы так... — едва слышно произнесла Алена.

— Слава богу! — обрадовался Поэт. — Я боялся, что вы немая. Побеседуйте с нами. Нам бывает тоскливо, ведь мы ничем не заняты. Праздность редко приносит удовлетворение.

— Совершенно с вами согласна. От безделья пользы никакой. Займитесь чем-нибудь, — робко посоветовала Алена.

— Например? Все стихи мною уже написаны. Градоначальник тоже сделал все, что мог. В свое время. Теперь мы наблюда-

датели. Вчера увидели, как одного прохожего хватил апоплексический удар. Несчастный лежал на аллее, но к нему никто не подходил. Народу было много, и каждый спешил поскорее пройти мимо. Хорошо, что недавно одна чересчур бойкая барышня забыла здесь мобильный телефон. Я вызвал неотложку. Больного увезли в лазарет. Жестокий век, жестокие нравы...

— Люди разучились сострадать, — вздохнул Градоначальник.

— Уверена, что не все так безнадежно, — возразила Алена. — Далекое не все очерствели. Мне кажется, что чувства многих просто уснули. Их следует разбудить. Правда, я не знаю, каким образом...

— Вот именно. Прочтите-ка нам что-нибудь из вашей книги. А мы с Градоначальником послушаем.

— Ладно, если хотите.

Алена раскрыла томик на первой попавшейся странице и негромко прочитала:

*Наш нежный Юг,
где сердце сбрасывало прежде вьюк,*

*есть инструмент державы, главный звук
чей в мироздании — не сорок сороков,
рассчитанный на череду веков,
но лязг оков.*

*И отлит был
из их отходов тот, кто не уплыл,
тот, чей, давясь, проговорил
"Прошай, свободная стихия" рот,
чтоб раствориться навсегда в тюрьме
широт,
где нет ворот.*

*Нет в нашем грустном языке строки
отчаянней и больше вопреки
себе написанной, и после от руки
сто лет копируемой. Так набегает на
пляж в Ланжероне за волной волна,
земле верна.*

— Мне лично понравилось. Свежо и живо, — сказал Градоначальник.

— Недурно, — с некоторой досадой бросил Поэт. — Кто автор?

— Бродский. Люблю Бродского — и

раннего, и позднего. Я рада, что и вам нравится.

Алена улыбнулась Градоначальнику.

— Не ревнуйте, дорогой Поэт. Никто не оспаривает вашей гениальности. Но, согласитесь, было бы обидно, если бы существовала только ваша поэзия.

— Ну конечно, — миролюбиво подхватила Алена.

Поэт откинулся на спинку скамейки и заложил руки за голову.

— В конце аллеи сидит одинокий юноша и тоскливо смотрит на нас. Уже сорок минут сидит. Интуиция подсказывает мне, что он тоже иногда по ночам сочиняет стихи.

— Не обращайтесь внимания, — вспыхнула Алена, понизив голос, словно юноша мог ее услышать. — Он скоро уйдет. Это Саша. Ходит за мной всю неделю.

— Я сразу заподозрил, что он — ваш знакомый. — Поэт хлопнул в ладоши. — Слишком он благообразен для маньяка. И постоянно вздыхает. Даже отсюда видно страдальческое выражение его лица. А зонт в синенький цветочек очень ему идет! Со-

здает парадоксальное настроение.

— Почему он за вами ходит? — строго спросил Градоначальник. — Должна быть причина. Неужели шпионит?

Алена молча опустила голову.

— Не хотите говорить, не говорите, — слегка обиделся Поэт.

— Мы дружили, если можно это так назвать... Я бросила его. Он пока не может смириться, — пояснила Алена сдавленным голосом.

— Все ясно. Он преследует вас, — резюмировал Градоначальник. — Держитесь от него подальше. Неизвестно, что у него на уме.

— Этот романтический юноша просто влюблен. Это видно невооруженным глазом! — с жаром возразил Поэт.

— Я, скорее всего, стерва! — обреченно выдохнула Алена.

— Ничего подобного! Вы тоже влюблены. Но, к сожалению, не в него, — весело успокоил ее Поэт.

— Откуда вам знать? — удивился Градоначальник, — Мадемуазель не говори-

ла, что любит кого-то другого.

— Да? А почему она торчит здесь столько времени? — язвительно спросил Поэт. — Если мне не изменяет память, свидание должно было состояться в десять часов утра, а сейчас уже без малого полдень. «Уж полночь близится, а Германа все нет!»

Алена с ужасом уставилась на часы на фасаде мэрии. Она пошарила в кармане плаща и, не найдя того, что искала, воскликнула:

— Я посеяла мобильник! Он был в кармане, а теперь его нет!

— Его стащили бесчестные люди. Но вы не отчаивайтесь, если вам нужно позвонить, Поэт любезно предоставит такую возможность...

Алена покачала головой:

— Номер... Номер был записан в телефоне.

— Номер того, кто не пришел, но кто с некоторых пор владеет всеми вашими помыслами? — догадался Поэт.

— Пожалуй, звучит слишком высокопар-

но, — пробормотал, поморщившись, Градоначальник.

— Если захотите, мы устроим вашему Саше испытание, — предложил Поэт. — Сейчас я вызову одну знакомую даму. Она умеет обольщать мужчин. Если он уйдет с ней, значит, чувства к вам у него поверхностны. Тогда и совеститься нечего. Идет?

Алена безразлично пожала плечами. Градоначальник осуждающе посмотрел на Поэта, но отговаривать от авантюры не стал.

Поэт достал мобильник. В ту же секунду телефон запиликал.

— Вы очень кстати, ваше величество! — обрадовался Поэт в трубку. — Не желаете ли развлечься? Мы ждем вас на бульваре. Нужно очаровать одного назойливого юношу. Мы заключили пари. Я поставил на вас. Надеюсь, игра придется вам по душе... Вот и славно... К нам не подходите. Его легко узнать. Из-за дождя на бульваре — ни души. Он сидит под зонтиком с васильками и вздыхает, как филин. Действуйте!

Поэт с довольным видом спрятал телефон.

— Сейчас будет здесь. Скучает.

— Не нравится мне это, — проворчал Градоначальник.

Чумазая туча измученно застонала глухим громом. Дождь припустил сильнее. Лужи запузырились.

В конце аллеи показалась высокая статная женщина. На ней был широкий зеленый плащ с капюшоном. Она шла медленно, не боясь дождя. Она важно ступала по мостовой. Каждый ее шаг был похож на часть танца.

— Взгляните на императрицу! Господин Градоначальник, вам не хочется немедленно преподнести ей цветы?

— Уж лучше сразу бриллианты, — буркнул Градоначальник, плотнее запахивая свой макинтош.

Тем временем женщина поравнялась с Сашей и присела рядом с ним. Она сказала ему что-то с печальной улыбкой. Саша засуетился и приподнял свой зонт над ее головой. Он с явным интересом слушал незнакомку и время от времени кивал.

— Заметили, как преобразился Алек-

сандр? — Поэт потирал ладони. — Уверяю вас, что очень скоро мы от него избавимся.

Будто в подтверждение его слов, Саша и женщина встали. Она взяла его под руку, и они пошли по аллее. Саша предупредительно держал зонт над головой своей спутницы. Прежде чем скрыться за деревьями, женщина обернулась, и Алене показалось, что она им подмигнула. Поэт послал ей вслед воздушный поцелуй.

Провожая взглядом уходящего Сашу, Алена вдруг заплакала.

— Мы поспешили, — огорчился Градоначальник. — Мадемуазель, как видно, еще не выбрала из двух претендентов. Мы зря вмешались!

— Выбрать? Ничего нет проще! — заявил Поэт. — Кто из них лучший любовник, того и выберем.

Алена покраснела.

Градоначальник погрозил Поэту пальцем.

— Кто же лучше: Александр или тот, кто еще не пришел? — настаивал Поэт.

Ища сочувствия, Алена взглянула на Гра-

доначальника.

— Так кто? — не унимался Поэт.

— Не знаю! Не пробовала! — отрезала Алена, желая прекратить этот разговор.

Поэт лукаво прищурился.

— Боюсь, что с Александром вам уже не попробовать. Он для вас утрачен навсегда.

— Бог с ним, — отмахнулась Алена.

— Вот и все! Выбор сделан! И он не в пользу Александра.

— Бог с ним, — повторила Алена и посмотрела на часы.

Был уже час дня. Поэт и Градоначальник тревожно переглянулись. Но в ту же минуту вздохнули с облегчением, потому что на фоне черных деревьев у Лестницы замаячила белоснежная военно-морская форма.

Алена вскочила и хотела броситься навстречу. Но застыла на месте. Ноги не слушались. Военно-морская форма стремительно приближалась.

Молодой офицер, задохнувшись от быстрого бега, остановился перед Аленой, взял ее за плечи и прошептал:

— Командир задержал, я ничего не мог

поделать. Я так волновался! Бежал сюда почти без надежды. Ты не отвечала на звонки!

— У меня мобильник украли. Наверное, в маршрутке. — Алена одновременно смеялась и плакала.

— Неужели ты ждала меня три часа! Я думал, что таких девушек не бывает.

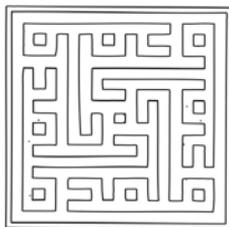
— Финита, дорогой рифмоплет! Нам пора по местам, — с сожалением сказал Градоначальник. — Того и гляди, дождь закончится, придут на бульвар люди, а памятников нет. Скандал! Ведь не все так доверчивы, как наша мадемуазель.

— Что ж, мы свое задание выполнили. Она его дождалась.

Поэт и Градоначальник пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

На мокрой аллее безлюдного бульвара, крепко обнявшись, стояли под дождем двое. Свидетелями этого были бронзовые поэт и градоначальник. Они были очень довольны. А неподалеку, на большой площади, смотрела на корабли бронзовая императрица. Сегодня она скучала меньше, чем всегда.

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В...

Undique ad inferos tantumdem viae est.
Путь в подземное царство отовсюду
одинаков (лат.)

Дружины Синей Долины и Черного Ущелья сходились на Ничейном поле каждый десятый день. Так было заведено испокон веков. Поединки длились не слишком долго: воины бросали ратные забавы при первых звуках налетающего урагана.

Десятник Лысый приготовился к бою во второй шеренге колонны между Рябым и Курносым.

— Наших сегодня около сотни, — негромко сказал Рябой.

— За последнюю неделю в Долине жителей явно прибавилось, — посетовал Лысый.

— Мрут, как мухи, скоро селить будет негде, — вмешался в разговор Курносый, — у меня в землянке двое новобранцев.

Барабаны непрерывно сыпали дробь. Время от времени их заглушали воинственные трубы. Лысый поднял голову и посмотрел на небо.

— Сатурн не виден, значит, скоро быть урагану.

— Тем лучше, — пробурчал Рябой, — надоел этот балаган.

Рябой толкнул Лысого локтем:

— Тебя вызывает сотник. Иди! Твоя очередь пришла.

Лысый, вздохнув, стал протискиваться между стоящими впереди дружинниками. Он остановился перед строем. Толпа ушельинцев тревожно гудела. Они, нервно жестикулируя, переговаривались между собой.

Лысый высматривал своих двойников. Их сегодня было шестеро. Они, его уменьшенные сморщенные копии, собравшись вместе, отделились от толпы. Лысый, оттолкнувшись от земли, повис в воздухе. Он вынул из-за пояса огромный тесак. Число демонов увеличилось до десяти. Они будто вырастали из-под земли.

Лысый, не раздумывая, ринулся на противника. Взмах тесаком — и голова ближайшего двойника отделилась от туловища и упала. Неужели, подумал Лысый, это его собственное лицо? Следующие четверо бесов были повержены ударами сильных ног. Пока они, заскулив, расползались в разные стороны, другие смешались с толпой.

Ураган налетел внезапно. Ветер покатиł по земле отрубленную голову. Дружина Черного Ущелья растворилась в пыльном вихре. Дробь барабанов тотчас смолкла. Долинцы заспешили домой, пригибаясь к земле, стараясь не нарушать строя. Лысый замыкал колонну.

— Быстро справился, — услышал он го-

лос Рябого, который перекрикивал бурю,
— Откуда они только взялись?.

— У меня всегда не меньше семи демонов. Грешил я порядочно при жизни.

— Кто из нас святой? — хохотнул Рябой и умолк.

Пламя костра перед землянкой то затухало, то разгоралось. Говорливая, сидя на большом камне, чистила рыбу.

— Может, зайца в лесу подстрелить? — спросил Лысый.

— Какая разница — заяц или рыба? Все равно вкуса не чувствуешь.

Она отбросила рыбы потроха в сторону.

— Тоска меня доконала, — пожаловался Лысый, присев у костра.

— В следующий раз, когда покромсают тебя двойники на лоскуты, тоску как рукой снимет, — проворчала Говорливая, поправляя растрепанные волосы.

— Ответь, почему я тебя так долго терплю, ведь я даже тебя не помню. Ненавижу тебя! — процедил Лысый сквозь зубы.

— Сволочь! — быстро отреагировала Го-

ворливая. — Не из-за твоей ли пьяной рожы я полжизни провела в инвалидном кресле?

Схватив с земли камень, она швырнула его в сторону Лысого. Он успел увернуться.

— Возможно, это был не я?

— Случайностей здесь не бывает! Это при жизни ты творил, что в голову взбретет!

— Хватит! — не сдержался Лысый, — Заткнись, ведьма! Жри свою рыбу сама, можешь ею подавиться!

Он побежал к лесу.

Стена притягивала Лысого, словно магнит. Он приходил к ней каждый вечер. Казалось, она, подпирающая небо, делит мир пополам. Интересно, что за ней? Она, сложенная из огромных валунов, была бесконечной.

Лысый прильнул к ней грудью и щекой. Камни излучали тепло. Это всегда удивляло Лысого. Горячие камни в холодном лесу. Лысый давно привык к постоянному холоду. Иногда нестерпимо хотелось погреть-

ся на солнышке, но с небосклона светили ледяные и тусклые звезды.

Лысый сел на землю. Спинай он чувствовал гладкую выпуклость одного из валунов. Он погладил рукой жесткую траву. На ладони осталась ледяная влага. Траву покрывал вечный сизый иней. Света ночных звезд не хватало, чтобы разглядеть, кто там зашуршал в кустах. Вечный полумрак, будь он проклят!

Рябой появился бесшумно. Он застыл в двух метрах от Лысого. Понятное дело, он притащился сюда не просто так. Лысый затаил дыхание и смотрел во все глаза. Рябой стоял неподвижно, опустив голову. Громко ухнул филин и захлопал крыльями, словно у самого уха. Лысый вздрогнул от резкого звука и на миг отвел взгляд от Рябого. Когда он снова посмотрел в его сторону, никого не было. «Искупил и перенесся», — с завистью подумал Лысый. Пообещав себе перебить всех филинов в этом треклятом лесу, он поднялся и побрел прочь.

К утру стало еще холоднее. От холода невозможно было спать. «Живой бы давно окочурился», — подумал Лысый. Он ворочался до самого рассвета, потом забылся ненадолго. Говорливая с трудом заставила его проснуться, ткнув несколько раз палкой в ребра. Руки и ноги задеревенели, он долго растирал их, но они все равно оставались ледяными.

На утреннюю переключку Лысый опоздал и понуро занял свое место в строю. Наказание последовало незамедлительно — плетка сотника сто раз с пронзительным свистом опустилась на его плечи. Лысый сцепил зубы. В голове пронеслось: «Живой от такой боли получил бы шок».

Боль обжигала. Свинцовые наконечники плети рвали кожу. Кровь пропитала рубашку и закапала на траву. Боль — и ничего, кроме боли.

— Видишь Безногого? — спросил сотник, не прерывая экзекуции.

— Вижу, — с трудом выдавил из себя Лысый.

— Будешь постоянно носить его на

плечах.

— Зачем? — прохрипел Лысый.

— Должен же его кто-то носить, — удивился сотник глупости Лысого.

— На охоту тоже?

— Постоянно! — Сотник не скрывал своего раздражения.

— А на рыбалку?

Вместо ответа сотник погрозил Лысому кулаком.

Безногий сидел под деревом и глупо улыбался. Пустые штанины были завязаны узлами.

Когда сотник дал команду разойтись, Лысый взвалил Безногого на свою израненную спину. Безногий оказался легче, чем он думал. Но уже через несколько шагов вес Безногого утроился. К тому же он принялся дергать Лысого за уши и хлопать ладонью по темени. Это было неприятно.

— Перестань! — прикрикнул на него Лысый.

Безногий замычал.

— Ты немой?

Снова мычание.

— Иди ты... Я, дурак, надеялся, что будет с кем словом перемолвиться, — проворчал Лысый, с трудом передвигая ноги.

Не слишком большим удовольствием было таскать на себе беспокойного калеку.

Лысый приплелся к озеру. Он спустил Безногого на землю и огляделся. Озеро было круглым, словно черное зеркало. На берегу сидела седая маленькая старушка, аккуратно одетая и причесанная. Она смотрела на воду и не обращала внимания на Лысого.

Лысый вынул из кармана моток блесны, насадил на крючок хлебный мякиш и поспешил к воде. Он стоял в воде по колено. Ноги ломило от холода. Лысый забросил блесну и стал ждать. Скоро он подсек несколько окуней, и они затрепыхались на песке у самой кромки воды. Безногий, глядя на рыбу, хохотал и корчил гримасы. Кроме этого, не было слышно ни звука. Кругом царила траурная тишина.

— *Loka tacentia*¹, — вдруг произнесла

¹- лат. Мир безмолвия

старушка почти детским голосом. Она по—
прежнему смотрела на воду.

— Слишком тихо, — согласился Лысый.

— Но не спокойно: кажется, что в озере зреет буря.

— Нам говорят, что покой — великий дар, который ждет нас за стеной.

Старушка молча кивнула.

— Как вас зовут? — спросил Лысый.

— Меня здесь называют Дающей Советы. Мне не нравится.

— Имя не нравится?

— Давать советы не нравится. Они никому не нужны.

— Это правда. А вы сами как себя назвали бы? — он снова забросил блесну.

— Старой. Я чувствую себя очень старой, — она вздохнула.

— Вы помните свою жизнь?

— Помню.

— И я помню. Но лучше бы забыл.

— Забвенье тоже награда. И не мечтай! Долго ты здесь?

— Успел озвереть. — Лысый плюнул на крючок и в очередной раз забросил блесну.

— Ты — воин, и это тебе подходит.

— Пожалуй, — не стал спорить Лысый.

— С кем ждешь? — Старая пристально посмотрела на Лысого блеклыми глазами.

— С одной невменяемой бабой. Когда ее вижу, зубы сводит. Еще этого чудика навесили, — Лысый кивнул в сторону Безногого.

— А я жду в одиночестве. Со мной разговаривают только с разрешения сотников.

— Так вы из нарушителей? — почему-то обрадовался Лысый.

— Да я здесь лишняя. Таких, как я, хоронили за кладбищенскими заборами.

— Самоубийца? — удивился Лысый.

— Просто свела счета с жизнью. Теперь вот жду...

— И долго ждете?

— Жизней сорок, но я давно сбилась со счету. Мочи больше нет.

Лысый присвистнул и спросил:

— А не боитесь нарушать здешние порядки?

— Чего мне бояться? За стену все равно не попасть.

— Кто сказал?

— Ты не сегодня умер — должен знать, что здесь *никто никогда ни о чем никому* не говорит. Сама догадалась. Я же Даюшая Советы.

— Нет, вы Старая, — засмеялся Лысый. Она едва заметно покачала головой.

— Рыбки надергать? — предложил Лысый.

Старая, ничего не ответив, встала и медленно побрела к лесу. Лысый хотел ее окликнуть, но передумал. Старая уходила, низко опустив голову и сгорбив спину.

Лысый вышел из воды, собрал окуней в полотняный мешок, привязал его к поясу. Безногий, свернувшись калачиком на песке, мирно спал.

Лысый, пнув его легонько в бок, взвалил на плечи.

— Ты кого приташил, идиот? — закричала Говорливая, увидев Безногого.

— Приказ сотника, — угрюмо буркнул Лысый.

Он бросил мешок с рыбой на землю, уса-

дил Безногого на камень и ушел в лес.

Лысый бродил в черной лесной чаще и думал, что, попади он в такое жуткое место при жизни, непременно испугался бы. Но теперь ему безразлично, воют ли волки, преследуя его по пятам и сверкая своими страшными глазами из-за ближайших деревьев.

Он брел наугад, зная, что все тропы в этом лесу ведут к ветхой землянке, сварливой тетке, безвкусной еде, вечно затухающему костру, мычащему Безногому.

Опустошающая душу тоска и всепроникающий леденящий холод. Трава, деревья и камни, покрытые инеем. Ветер, приносящий тошнотворный запах плесени и тлена. Так было и будет всегда.

Сколько ему еще ждать? Лысый не знал, но понимал, что каждое послушание влияет на срок *ожидания*.

На этот раз с поединка Лысого принесли с раскрытым черепом, сломанными ребрами и оторванным мизинцем на левой руке.

Он, едва дыша, лежал неподвижно в землянке на влажном полу.

Говорливая бросила на него большую грязную тряпку — не для тепла, чтобы не видеть крови.

Бесов-двойников сегодня было слишком много, а ураган все не налетал.

Бесы взяли числом. Они впивались в кожу Лысого, повисая на нем, кусали, били, рвали. И сквозь боль перед Лысым мелькали десятки его собственных искаженных лиц.

Лежа в землянке, он медленно приходил в себя. Голова была тяжелой, донимала непрерывная дрожь. Иногда он забывался коротким сном, и тогда к нему приходили голоса из его жизни.

Потом он попробовал пошевелить ногами и руками, ведь к следующему поединку ему обязательно нужно набраться сил. Был бы он собакой, смог бы быстро залечить свои раны. Но он — всего лишь несчастный грешник, мечтающий о путешествии за Стену. Хотя неизвестно, что там, за Стеной: обещанный покой или еще одна

Синяя Долина с вечным мраком и холодом.

Однажды, проснувшись утром, он осторожно встал и медленно вышел из землянки на воздух. Говорливая сидела на камне. В ее глазах отражались тлеющие угли костра.

— Добро пожаловать! — оскалилась она, увидев Лысого.

— Где Безногий? — тихо спросил Лысый.

— Сотник забрал. Сказал, что Безногому пора за Стену. Интересно, за какие такие заслуги? Господи, когда же наш черед придет? — Говорливая посмотрела на Лысого взглядом загнанного зверя. Он едва держался на ногах.

— Хорошо, что Безногого нет, я бы его сейчас не унес. Самому бы дойти.

— Куда собрался?

— Пойду к озеру, там дышится свободней.

Лысый пожалел, что сказал это, потому что Говорливая разразилась длинной бранной тирадой. Он побрел прочь, но еще долго слышал ее рассерженный голос

у себя за спиной.

В озере отражалось низкое свинцовое небо, по которому проплывали тени облаков. На берегу неподвижно сидела Даюшая Советы. Она обернулась и махнула Лысому рукой.

— Здорово тебя отделали, — сказала она, рассматривая его одутловатое лицо.

— Они этому обучены, — Лысый сел на песок.

— А вот мои демоны терзают не тело, а разрывают сердце, выбирая из моей жизни то, что я хочу забыть, и бесконечно напоминают об этом. Как будто так можно искупить вину.

— Вы думаете, нельзя?

— Конечно, нет. И я здесь навечно.

— Вам тоже постоянно хочется пить и есть?

— Привыкла. И ты привыкнешь.

— К голоду привык, но с жаждой труднее. Раньше я приходил сюда, нырял в озеро и пил, пил, пил. Потом блевал черной водой. Изрыгал целые водопады. Безнадежно!

— Безнадёжно, — подтвердила Старая.

— Вы кем были при жизни?

Она помолчала, раздумывая над чем-то, затем ответила:

— Я была одинокой старой девой и доктором наук, профессором математики. А еще я была интриганкой и продажной тварью — ничем не гнушалась ради карьеры.

— Не слишком ли вы строги к себе?

Старая покачала головой:

— Я многим испортила жизнь. Поверь, у меня были возможности для этого.

— Простите себя, и тогда обязательно полегчает.

— Простить? — изумилась Старая, — Я себя ненавижу! Нищая старость, два инсульта, паралич, убогий дом престарелых — просто похвальная грамота по сравнению с тем, чего я заслуживаю.

Лысый вздохнул.

— А ты кем был? Небось, тоже наворотил достаточно?

— Как водится, — Лысый печально улыбнулся. — Я был врачом-анестезиологом. Даже неплохим, но пил горькую...

Старая невесело засмеялась:

— Вот оно что! И много ты на этот свет отправил? Не отвечай, дай догадаюсь. И не сосчитать. Я права?

Лысый обхватил голову руками и тихо застонал.

— Послушай, — продолжала Старая, — если бы ты получил вторую жизнь, что бы выбрал?

Он не ответил.

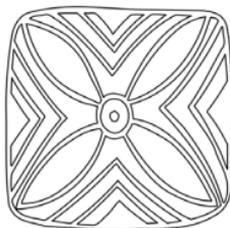
— Ты прав, — сказала она, — второго шанса ни у кого из нас не будет.

Лысый с трудом поднялся, намереваясь уйти.

— Побеждай и дальше своих бесов. Желаю тебе истребить их всех!

Лысый снова промолчал. Боль, холод и жажда мучили его. И он знал, что конца этому не будет.

ГЛИНЯНЫЕ КРЫЛЬЯ

Проводница рявкнула «подъезжаем!» в приоткрытые двери купе и проследовала дальше, будоража своим сиплым голосом тихий омут спящего вагона.

Людей сблизила дорога, совместная еда и откровенные разговоры. Вагон поезда за сутки может сдружить кого угодно с кем угодно. Люди удивительно быстро в пути узнают друг друга, но еще быстрее забывают о случайных знакомых.

Вместе с Дашкой в купе ехала семья одесситов, гостивших у бабушки в Черновцах. Маленький трехлетний Андрюшень-

ка, папа и мама называли его Дюсей, приболел. Он хлюпал носом и хныкал всю ночь. Мама Лида, устав держать его на коленях, уложила рядом с собой на нижней полке. Она монотонно что-то нашептывала. На Дашку, дремавшую напротив, ее шепот действовал как снотворное. Если бы не бодрый храп папы Сережи, доносившейся с верхней полки, Дашка снова заснула бы.

Но вагон ожил, заговорили, затопали люди, захлопали двери, загудели сквозняки. Дашке показалось, что и двигаться вагон начал не так плавно, не так тихо, как раньше.

Пришлось Дашке, стряхнув с ресниц остатки сна, сесть у окна в ожидании, когда слезет с верхней полки Сергей и поможет достать чемодан. Она могла бы это сделать сама (чемодан был маленьким и легким), но в присутствии мужчины делать этого не стала. Бабушка учила ее, что в любом мужчине нужно уметь разбудить джентльмена.

Дашка посмотрела на свою руку, уви-

дела обручальное кольцо и вспомнила, что теперь она замужем.

Эдуард сразу же покорила Дашку. Их познакомил Дашкин кузен, к которому она сбежала в Черновцы встречать Новый год. До венчания Дашка была знакома с Эдуардом всего несколько дней. Это был сильный напористый и уже «понюхавший пороху» взрослый мужчина. Дашка подолгу заворожено смотрела на него.

— Перестань на него тарашиться! — одергивала Дашку мать, приехавшая на свадьбу. — У тебя глаза, как у сбрендившей белки. Это неприлично!

Свадьбу решили праздновать в новогоднюю ночь. Торжество состоялось в лучшем загородном ресторане, принадлежащем, между прочим, Эдуарду. Дашкины родители приехали на один день и сначала выглядели слегка потерянными. Папа, успокоившись первым, за праздничным столом говорил пространные речи с шутками и анекдотами. Друзьям и партнерам жениха отец невесты очень понравился.

А некоторым еще больше понравилась породистая моложавая теща.

Невеста была в очаровательном фрезеровом парчовом платье с небольшим легким шлейфом из органзы. Оно идеально облегло стройную Дашкину фигуру. Вместо фаты ее белокурые волосы оплетали фрезеровые атласные ленты и нити мелкого жемчуга.

Дашка была довольна собой, свадьбой и всем на свете. Она отхватила мужа, для которого оплатить стоящий целое состояние свадебный наряд оказалось сущим пустяком.

Весь вечер и всю ночь Дашка была в центре внимания. Эдуард выполнял любые ее капризы. Он удалил со сцены смазливую голосистую певицу, когда Дашке показалось, что гости слишком восторженно аплодируют ей.

Остаток ночи провели с профессиональным затейником, одетым Санта-Клаусом. Это Дашке понравилось, потому что Санте никакой Снегурочки не полагается. И невеста до конца свадебного дей-

ства оставалась единственной королевой.

Под утро Эдуард посадил Дашку в белый длинный лимузин и увез домой. Он взвалил ее на плечо и внес в дом. Она слабо барахталась, колотила кулачками по его широкой спине.

— Ты чего? — удивился он, опуская ее на кровать, похожую на взлетную полосу аэродрома.

— Не так! Не так! Нужно было просто взять меня на руки, а ты... Как мешок! — огорчилась Дашка и надула губы.

— Какая разница? — буркнул муж, упав рядом с ней на кровать и тотчас захрапел.

Дашка обессилено откинулась на подушки и через несколько минут отключилась.

В телефоне скромно звякнула эсэмэска. Открыв один глаз, Дашка прочла: «Уехали домой. Ждем. Папа, мама». Часы показывали половину третьего. Солнечный свет пробивал кружевную преграду штор на окнах. Эдуард заворочался и сел, по-звериному встряхнув головой.

Дашка вскочила и быстро юркнула в ванную. Заперев дверь, она сбросила платье

на мраморный пол и ступила босыми ногами на мягкий коврик. Она погладила край огромной зеленой джакузи. Ей нравились кричащая роскошь этого большого дома, размах, с которым устроил свой быт Эдуард. Малахит, позолота и мрамор ванной были вполне достойны Дашкиной юной красоты и грации. Она с минуту любовалась на себя нагую в зеркалах и залезла под душ. Ей хотелось громко петь о своем счастье. Неужели она в этом великолепном особняке полноправная хозяйка?

Стоя под душем, Дашка радостно думала о своем безоблачном будущем. Сочиняла волнующие сценарии. Для себя одной, но немного и для зрительного зала. Даже грубое вторжение Эдуарда не омрачило ее ажурного настроения. Он молча вломился в ванную, сорвав с двери фигурную шеколду, вытащил мокрую Дашку из-под душа, бросил на коврик и навалился на нее своим большим потным телом. Пока он тяжело похмельно дышал, совершая то, что не смог совершить в первую брачную ночь, Дашка с удовольстви-

ем рассматривала их отражение в зеркальном потолке. У Эдуарда была красивая мускулистая спина, тугие круглые ягодицы и длинные ноги. Дашку все устраивало до тех пор, пока он не встал, даже не взглянув на нее, оставшуюся лежать на полу, бесстыдно отраженную десятками зеркал. Потом он отправился в душ и хрипло запел. Впрочем, издаваемые им звуки лишь с натяжкой можно было назвать пением.

Дашка поднялась, обернулась полотенцем и возвратилась в спальню, слегка обиженная на мужа. Но уют комнаты вновь тронул сердце новой хозяйки. Разве можно было долго сердиться на человека, владеющего такой красотой, да еще и поделившегося ею с Дашкой на законных основаниях?

Неожиданно легко новобрачный отпустил молодую супругу в Одессу — прошла всего неделя после их свадьбы. Дашке мерещилось трудное объяснение, но Эдуард не стал возражать:

— Конечно, поезжай, если нужно, в институт. У меня все равно дел по горло.

Они почти не виделись в эти дни. Дашка сидела дома в компании не очень общительной горничной Вики, а Эдуард с утра до вечера торчал в офисе. Изредка переговаривались по телефону.

Дашка с восторгом обнаружила в своем новом доме два бассейна, открытый и закрытый, огромный аквариум с яркими тропическими рыбами, зимний сад и оранжерею. В доме был маленький зверинец, вернее, террариум, где, кроме задумчивой игуаны Фроси, жил огромный питон Феофан. Но медлительные твари не очень впечатлили Дашку. Она бы с удовольствием поменяла их на породистого кота.

Шестого января позвонил папа и напомнил, что зимняя сессия в институте началась и что высшее образование необходимо получить при любом раскладе. И Дашка не стала с ним спорить.

На вокзал Дашку отвез водитель, у Эдуарда в это время была назначена важная деловая встреча. Он позвонил, когда по-

езд уже тронулся, и сообщил, что в качестве рождественского подарка для Дашки он заказал в салоне розовый мерседес с «полным фаршем», машина будет дожидаться ее в гараже.

В Одессу Дашка уезжала счастливой. В конце путешествия она надумала позвонить Антоше, чтобы он встретил ее и отвез домой. Несмотря на недавнюю ссору, Антоша сразу откликнулся и радостно пообещал встретиться. Антоша всегда выполнял любое желание Дашки. Они встречались два года, со второго курса, и Дашка ни разу не пожалела об этом. Во-первых, многим однокурсницам Антоша очень нравился, но она была уверена, что он ее не променяет ни на одну из них. Во-вторых, у Антоши была машина. В-третьих, он подрабатывал, а деньги, не задумываясь, тратил на Дашку. А еще Антоша был ужасно способным и дисциплинированным и писал Дашке все курсовые работы.

Дашка хотела рассказать Антоше о свадьбе и предложить ему дружбу до гроба. Ей, пожалуй, польстило бы его отчая-

ные. Но потом она подумала, что на дружбу он, скорее всего, не согласится. А добровольно отказываться от такого помощника с ее стороны неразумно. И Дашка решила скрыть пока свое скоропалительное замужество хотя бы на время сессии.

— Мам, меня Тоха встретит, домой привезет, смотрите, не проговоритесь ему, — предупредила Дашка маму по телефону.

Марина Сергеевна сначала возмутилась, но скоро и сама пришла к выводу, что дочь права.

— Ладно, сказать всегда успеем. Только отцу на глаза не попадайтесь — он обязательно расколется.

Антоша стоял на перроне. Дашка подбежала и бросилась ему на шею. Они поцеловались. Дашке не хотелось, чтобы этот поцелуй заканчивался. Он должен был длиться чуть меньше вечности. Она любила целоваться с Антошей. От него приятно пахло, он был теплым, нежным и чутким.

Дашка почувствовала, как сильно соскучилась по нему.

— Мы такие глупые, что поругались, —

прошептала она ему на ухо.

— Без тебя мне было тоскливо, — Антоша взял Дашкин чемодан.

— Кстати! С Новым годом! — Дашка улыбнулась своей лучшей улыбкой.

Она обернулась и помахала сошедшим с поезда попутчикам Сергею и Лиде с малышом.

— Давай подбросим их, снег идет, а они с ребенком, — предложил Антоша и крикнул:

— Вам куда? Поехали, мы вас отвезем.

— Ты был в институте? — спросила Дашка после того, как Лида, Сергей и Дюся были доставлены домой.

— Был, взял расписание экзаменов, посетил две консультации, все записал на диктофон и в конспект кое-что специально для тебя, — отчитался Антоша, сворачивая к Дашкиному дому.

Лежа в постели, Дашка размышляла о том, какая она загадочная и противоречивая женщина. Всей душой она предана

мужу, но в то же время любит Антошу и ни за что не желает с ним расставаться.

На прикроватной тумбочке посверкивало бриллиантовое обручальное кольцо, а рядом стоял керамический ангелочек с тоненькими крылышками, подаренный Антошей. Выражение лица ангелочка было вопросительным и одновременно осуждающим. Раньше он смотрел по-другому. Дашка повернула ангелочка лицом к стене, чтобы не смущал ее своими взглядами-вопросами. Потом, надев на палец кольцо, положила ладонь под щеку и, безмятежно улыбаясь, уснула.

В институте Дашку с Антошей давно не воспринимали по отдельности. Ими восхищались. Им завидовали. К Антоше в друзья набивалось пол-института. Он, балагур по призванию, был способен украсить любую тусовку игрой на гитаре. Играл, кстати сказать, вполне прилично, хотя сам высказывался по этому поводу критически. Учеба давалась ему легко, и он свободно справлялся со студенческими трудностями.

Справлялся за двоих — за себя и за Дашку. В конце концов он так разбаловал ее, что Дашка окончательно обленилась.

— Ты скоро забудешь, как пишется твоя фамилия, — добродушно сердился Антоша. Но Дашка по-кошачьи ластилась к нему, и он ей все прощал.

Эту сессию Антоша сдал «автоматом». Он исправно посещал занятия, делал доклады на семинарах, писал рефераты, получал зачеты. Дашке же из-за ее неожиданного отъезда на предпоследней неделе семестра пришлось готовиться по каждому предмету. И Антоша взялся оказать ей экстренную помощь.

Он приходил к ней утром, иногда будил и усаживал за конспекты. Марина Сергеевна, успевшая проводить мужа на службу, подавала им легкий завтрак и больше о себе не напоминала.

Обедать шли в кафе напротив Дашкиного дома. Потом садились в Антошину машину и ехали в Аркадию. Вид зимнего моря и пустынного пляжа наводил на Дашку тоску. Она предпочитала скорее вернуться к

учебникам. Антоша того и добивался. Они возвращались домой в Дашкино логово. Антоша заставлял свою подопечную отвечать на уйму контрольных вопросов. Она уставала и сбегала варить кофе.

Дома в это предвечернее время не было ни души. И чаще всего они проводили несколько часов в постели. Дашка любила Антошу за то, что он безумно любил ее.

Эдуард звонил Дашке поздно вечером, когда она, обессиленная, спала. Он бросал в телефонную трубку несколько дежурных фраз, желал спокойной ночи и прощался. С этой минуты в Дашке включалось другое времяисчисление. Она будто жила в двух параллельных мирах. В одном был муж, ее мерседес в гараже, бриллианты на пальце и неподвижный, как чучело, питон Феофан в террариуме. В другом была Одесса, институт, друзья и милый заботливый Антоша.

Эти два мира не пересекались.

Дашке было хорошо. Она владела всем, о чем мечтала. У нее была любовь, вер-

нее, две любви, разные, взаимодополняющие и обе незаменимые.

Когда Антоша уходил, Дашка принадлежала Эдуарду. А с утра снова наступало время Антоши. По твердому Дашкиному убеждению, все были безгранично счастливы.

Но эту идиллию разрушила Марина Сергеевна. Однажды после ухода Антоши она вызвала Дашку к себе в гостиную и сказала:

— Ты продолжаешь отношения с Антоном и даже не считаешь необходимым скрывать это. Это недопустимо! Ты разрушаешь то, что строилось годами!

— Что строилось? — удивилась Дашка.

— Твой удачный брак строился! — резко сказала мама.

— Как? — Дашкины глаза округлились.

— Уж не думаешь ли ты, что вы с Эдиком познакомились случайно? — ехидно поинтересовалась Марина Сергеевна и закурила длинную сигарету.

— Такого везения не бывает. Мы давно прочили Эдуарда тебе в мужа. Отцы до-

говорились. Антону больше здесь не место. Завтра расскажешь ему все. Сессию ты почти сдала...

Дашка задохнулась от бессильной злости. Ее разозлило вовсе не то, что нужно выбирать между Антошей и мужем. Больше всего Дашку задело, что ее обманывали много лет. Ни отец, ни мама, ни Эдик не сочли нужным посвятить ее в свои планы.

Дашка схватила со стола чашку и с силой грохнула об пол. Затем она одним махом смела со стола остальную посуду, оставшуюся после чаепития. Марина Сергеевна и глазом не моргнула. Только тонкая сигарета в ее пальцах едва заметно дрогнула.

Дашка умчалась в свою комнату и бросилась на кровать. С тумбочки на нее укоризненно смотрел ангелочек. Дашка швырнула его в угол. Он глухо стукнулся о стену. У ангелочка отбилась крылышко и разлетелось на мелкие кусочки.

Марина Сергеевна стояла в дверях:

— Прекрати буянить. Это не поможет.

Мне казалось, тебе нравится твой муж, его положение, состояние. Не дай бог он узнает. Антон — хороший мальчик. Пока ты была не замужем, нас устраивала ваша дружба. Но теперь ты ведешь себя безрассудно.

— Почему тогда ты молчала целый месяц? — огрызнулась Дашка, вытирая слезы краем подушки.

— Но тебе же нужно было сдать сессию, чтобы перевестись в Черновцы. Папа уже навел справки. А без Антона это затянулось бы до лета.

До Дашки дошло, что неумолимо приближается конец ее двойной жизни.

В этот вечер она целый час не могла уснуть. Ворочаясь с боку на бок, она приняла решение ничего не говорить Антоше, а просто уехать в Черновцы к мужу. А потом она позвонит Антоше и назначит тайное свидание где-нибудь в Анталии. Весной Эдуард наверняка отпустит ее к морю. А Антоше она как-нибудь задурит голову, наплетет чего-нибудь, он поверит, он всегда безоговорочно ей верит. Толь-

ко бы девчонки не соблазнили его за время Дашкиного отсутствия. Они не в силах будут это сделать: Антоша принадлежит только ей одной!

Как и предполагала Дашка, Антоша был счастлив. Никогда его девушка не была такой покладистой и нежной. Ее вечные капризы улетучились куда-то. Антоша был склонен думать, что, как только ему подвернется работа с настоящим заработком, они с Дашкой поженятся. А пока снимут квартиру и станут жить вместе. Однако Антошин оптимизм отнюдь не разделял его старший брат и единственный настоящий друг.

— Неужели ты не видишь, что не соответствуешь, — не уставал повторять брат. — У тебя нет влиятельных родственников, престижной недвижимости, крутых тачек, теплого места в департаменте неважно чего. У тебя есть только ты сам. Это значит, что ты — неудачник. Для них ты «ботинок», человек, вынужденный топтать дорогу собственными ногами. Найди дев-

чонку попроше, мой тебе совет.

Брат был прав. Но сердцу не прикажешь.

Эдуард тоже был вполне удовлетворен. Планы осуществились. Он женился на девушке из хорошей семьи. На ее имя была оформлена земля на побережье под Одессой. Как раз там, где Эдуард собирался вскоре развернуть строительство отеля. Он получил прекрасное приданое. К тому же она красавица! А блажь из ее прелестной головки он постепенно выбьет, на то он и муж.

Ранним утром Дашку разбудили громкие голоса в столовой. Задавшись вопросом, из-за чего так раскричались родители, Дашка встала и отправилась посмотреть, что там стряслось. Еще в коридоре она услышала голос Антоши.

— Убедите меня, что это только слухи!

— Нет, не слухи. Понимаешь, она влюбилась в Эдуарда, так бывает! — оправдывалась Марина Сергеевна.

— Влюбилась... — механически повторил Антоша.

Дашка остановилась за дверью, чтобы ее не было видно. Она не знала, как себя вести, какие слова говорить. Она хотела убежать, но малодушно прилипла спиной к стене и замерла.

Несколько долгих минут было абсолютно тихо. Дашке показалось, что они услышат ее громкое и прерывистое дыхание.

— Я понимаю, что я хреновая партия для Александры. Кажется, так это называется? Но о том, что она вышла замуж, я имел право знать?! — Антошин голос дрожал.

Родители не отвечали. Антоша стоял к Дашке спиной. Вдруг она отчетливо осознала, что она потеряла его навсегда. Антоша не захотел с ней увидеться. Он просто ушел, сильно хлопнув входной дверью, словно попытался разрушить их дом.

К Эдуарду Дашка уезжала в некоторой растерянности. Отец отказался разговаривать с ней. Мать еле уговорила его попрощаться с дочерью. У него при этом было каменное лицо. Дашку это расстроило.

Но в поезде к ней вернулась ее обычная

уверенность в себе. С вокзала в Черновцах Дашку забрал водитель Эдуарда. Всю дорогу до дома она старалась представить себе, каким будет сегодняшний романтический ужин с мужем. Дашка попросила водителя заехать в супермаркет и купила высокие белые свечи. Она сомневалась, найдутся ли такие дома.

Выйдя из машины, Дашка побежала в гараж. Но розового мерседеса там не оказалось. Дашка была разочарована. «Еще не пригнали из салона», — подумала она и успокоилась.

Вика встретила Дашку сдержанно. И Дашке почудилось, что горничная владеет какой-то секретной информацией. Вдвоем они взялись за приготовление ужина. Но Вика работала без энтузиазма.

Дашка нарядилась, накрыла стол, включила тихую музыку, зажгла свечи и стала ждать Эдуарда. Его все не было. Она звонила ему раз сорок. Но он не отвечал. Около полуночи Эдуард позвонил сам.

— Молчи и слушай внимательно! — резко сказал он. — Считай себя наказанной, детка. Будешь сидеть в доме, пока я не разрешу

выходить. Охранники предупреждены.

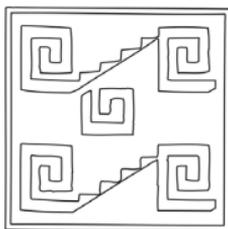
Минутная пауза. «Сейчас разразится гром», — уныло подумала Дашка.

— Ты думала, я ничего не узнаю, дурочка? Да, и никаких клубов, поездок, подарков. Я проживу в городской квартире, пока у тебя мозги не окажутся на месте. Имей в виду, что обязательства по нашему брачному контракту есть не только у меня. Все! Не звони мне. Связь через Вику.

Он положил трубку. Дашка заплакала. Она плакала долго и безутешно. Ей было безмерно жаль себя. Она ушла в спальню, разделась и легла в постель. Дом уже не казался ей прекрасным замком. Скорее он был похож на крепость, в которой томятся узники.

Дашка не могла заснуть. Она выпотрошила свой чемодан, начала складывать вещи в шкаф. На самом дне чемодана лежал керамический ангелочек с одним крылышком. Когда Дашка взяла его в руки, крылышко отвалилось и упало на пол. «Теперь это совсем не ангел», — подумала Дашка. Она забросила глиняную фигурку в ящик тумбочки и твердо решила больше не плакать.

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

С тарейшина двора — девяностотрех-
летний Николай Парфеныч Пестиков
— вставал вместе с солнышком и в любую
погоду выходил на балкон. Там он брался
за гантели и, покряхтывая, поднимал их
раза три-четыре скорее по привычке, чем
для гимнастики. Делал он это для того, что-
бы казаться не таким старым соседке Гла-
фире Дементьевне, вечно сидящей на бал-
коне напротив. В такую рань из всего дво-
ра не спала наверняка только она одна. Не-
известно, была ли Глафира Дементьевна та-
кой же ранней пташкой, как Николай Пар-

феныч, или страдала бессонницей. К моменту появления соседа она всегда сидела на балконе. Ей в прошлом месяце исполнилось семьдесят пять. Еще поздравили с юбилеем от домового комитета.

Глафира Дементьевна сидела в ротанговом кресле-качалке с очками на носу и читала. Николай Парфеныч был почему-то убежден, что она наблюдает за ним поверх очков. Он горделиво расправлял костлявые плечи и делал круги маленькими гантелями.

За свою долгую жизнь Пестиков привык к женскому вниманию. Дамы всегда находили в нем что-то привлекательное. Поначалу для него это было загадкой. Ведь зеркало отражало шуплого, неказистого, большеголового, узкоплечего человека. Да, именно женщины сумели дать ему почувствовать его внутреннюю неотразимость. А как могло быть иначе? ореол тайны окружал героя. Он начинал служить в НКВД, закончил карьеру гэбэшным генералом. И ни разу не покривил душой, ни разу не пошел против совести (во вся-

ком случае, он был уверен в этом). Его служба складывалась на удивление счастливо — общие цели полностью совпадали с его личными устремлениями. Работал он как вол. Однажды за одну неделю он собственноручно расстрелял три сотни врагов народа. Ему даже обедать приходилось, не отходя от горы трупов. А что было делать? Борьба с изменниками и уклонистами приобретала все большие масштабы, сажать было некуда, содержать не на что. Вот и приходилось вкалывать по две смены. Конечно, о своих специфических подвигах Парфеныч не распространялся. Но он ощущал себя героем, и это прибавляло ему веса в собственных глазах. Благосклонность женщин неуклонно росла по мере продвижения его по службе. Используя свое номенклатурное могущество, он легко претворял женские мечты в реальность. Так что его амурным победам не было числа.

Долгое время генерал Пестиков не мог смириться со своим внезапным превращением в обычного полунищего пенсионера

ра. Спасало то, что внук, обожавший деда, занялся бизнесом и помогал материально. К услугам старика были самые лучшие врачи и самые дорогие лекарства. Но он почти не болел. Тьфу-тьфу-тьфу! И гордился своим здоровьем и долголетием как главным жизненным достижением. Это была тема, говорить на которую не возбранялось. И он кичливо рассказывал соседям, какой он молодец.

Пестиков последний раз взмахнул гантелями и украдкой взглянул на соседку. Она действительно наблюдала за ним поверх очков. Довольный собой, генерал замурлыкал песенку и собрался уже приступить к чаепитию, но неожиданно его внимание привлек шум во дворе. Двор состоял из двух стоящих буквой «Г» многоквартирных домов, а с противоположной стороны замыкался бетонным больничным забором.

Раннее утро не баловало разнообразием звуков: вдалеке лаяла собака да шелестел листвою ветер. А тут двор наполнился пронзительным и гулким криком хозяй-

ки Любы. (Хозяйкой двора ее прозвали за скандальный нрав и непоколебимую уверенность, что двор безраздельно принадлежит ей). Сейчас эта толстая приземистая женщина лет пятидесяти с широким и плоским, как блин, лоснящимся лицом, браво подбоченясь, стояла перед воротами железного гаража в самом центре двора и неистово вопила:

— Понаихалы! Гаражив понаставлялы! Куркули! Дымлять газамы! Наворовалы, машин накуплялы! Издять, дитяам спати нэ дають!

Перед ней растерянно стоял тощий седой человек с папкой под мышкой. Соседи прозвали его Грузином. Однако в точности этого прозвища Пестиков сомневался. Ему казалось, что молчаливый интеллигентный мужчина, осмелившийся недавно выхлопотать разрешение и поставить гараж посреди двора, не был представителем кавказского народа. Просто он носил черные усы, а нос у него был тонким и длинным, с характерной горбинкой, как у Дато Туташхия в кино.

Дворовой Дато переминался с ноги на ногу, терпеливо ожидая, когда у хозяйки Любы сбежит молоко или произойдет нечто такое, из-за чего она бросит восстанавливать справедливость и отправится домой. Надеяться на то, что Люба махнет рукой на классовую борьбу и замолчит, не приходилось, недаром о ее упрямстве ходили легенды. Грузин вздыхал и поглядывал на часы, все еще намереваясь выехать на машине из гаража. Но обойти крикливого стража дворового порядка он не мог и обреченно присел на лавочку.

Люба не унималась. Ее громкий монолог перебудил полдвора. Она так разошлась, что даже невозмутимая Глафира Дементьевна приподнялась со своего кресла и заинтересованно посмотрела вниз. Судя по немому упреку на ее лице, она справедливо полагала, что издавать громкие звуки в столь ранний час по меньшей мере бесчеловечно.

Глафира Дементьевна не слушала речь Любы, а внимательно рассматривала фигуры действующих лиц сцены у гаража. Ни

Марку Витрувию, ни Леонардо да Винчи и не снились такие удивительные пропорции тела, какие были у Грузина и Любы. Тело мужчины было узким и длинным, словно его нарочно вытягивали как лапшу. Тело Любы представляло собой огромный шар на ножках с округлыми выпуклостями головы и груди. Между предполагаемыми плечами и складкой подбородка не было и намека на шею. При всей монументальности своей фигуры Люба довольно быстро передвигалась, энергично переваливаясь с ноги на ногу. Ничто не мешало ей быть круглосуточно начеку.

Ситуация обострилась, когда к Любе присоединилась активная Елена Васильевна, председатель домового комитета. Она выскочила из парадного ради неукоснительного соблюдения социальной справедливости. На голове у нее топоршились бигуди, из-под линялого фланелевого халата виднелась ночная сорочка.

С ее появлением Люба заорала еще громче и радостней. А Грузин безнадежно махнул рукой и побрел прочь со двора, по-

няв, что сейчас он не сможет использовать личный транспорт.

Его уход не прекратил утреннего концерта. Люба, оставаясь перед гаражными воротами, продолжала громогласно возмущаться поведением Грузина. Ей тоненько вторила Елена Васильевна, слов которой (в отличие от Любиных) разобрать было невозможно.

Пестиков искоса посмотрел на Глафиру Дементьевну. Она укоризненно качала головой, не отрываясь от книги. «Осуждает скандалистов, — подумал генерал. — Осуждает, но вслух ничего не скажет, не снизойдет до нас, простых смертных. Выскомерная дамочка! Брезгует!».

Нежный шелест листвы утонул в окрепшем уличном гомоне. Потревоженные вороны возмущенно каркали, оставляя у Пестикова дурное предчувствие. Вороны неизменно напоминали ему о погосте, посещать который он категорически отказывался. На похороны Пестиков никогда не ходил — не желал думать о неизбежном. Тем более что сверстники его все умерли, освободив его таким образом от тяжелой обя-

занности наблюдать уход своего поколения. Могил он тем более не навешал. Так и жил, переживший свое время, будто застывший в подвижном анабиозе.

Услышав резкие вороньи голоса, генерал сбежал с балкона в комнату, где принялся за уборку постели, над которой висел портрет его хитроглазого усатого кумира-тирана, державшего в руке курительную трубку. Диктатор денно и нощно следил за Пестиковым, не давая раскисать, поддаваться ослабляющей старости.

Не успел Пестиков заправить постель, раздался звонок в дверь. Бывшая учительница младших классов соседка Оленька, вот уже без малого пять лет служившая у генерала домработницей, как всегда опоздала. Она, разругавшись от поспешного подъема сумок с продуктами на третий этаж, ввалилась в прихожую и села на стул у порога. Стул застонал под гренадерским Оленькиным телом. Она набрала полную грудь воздуха и выдохнула:

— Вы слышали скандал во дворе? И что

Любке дался этот Грузин? Дорожки человек заасфальтировал за свои деньги, когда гараж ставил, а они...

— Машина мешает, — безразлично ответил Пестиков, унося один из Оленькиных пакетов на кухню.

— Странно, что мешает только его машина. Полный двор каких-то чужих. Им можно?

— Вот и сказала бы активисткам, — язвительно заметил генерал, ставя пакет на стол.

— А я и сказала, а потом еле ноги унесла.

— Потому что глупая! Всем давно ясно, что эти чужие приплачивают Любе за ночной присмотр.

— Вот те на! — искренне удивилась Оленька.

Она сбросила туфли сорок третьего размера на низком ходу, надела растоптанные тапки с заломленными задниками и направилась в кухню.

— А на площадке вашей тоже возня — верхние соседи Глафиру Дементьевну заливают. Я сейчас поднималась, слышала.

— Я только что ее на балконе видел. Все было в порядке.

Оленька пожала плечами:

— Она на балконе отдыхала, а с потолка — Ниагарский водопад.

Пестиков вышел на лестничную площадку. Дверь в квартиру Глафиры Дементьевны была широко распахнута. В коридоре стоял высокий молодой мужчина и говорил испуганной хозяйке:

— Не голосите, мамаша! Это не от нас текло, у нас все сухо.

— Откуда же, позвольте спросить, вода появилась? Посмотрите только, сколько воды! — нервно восклицала Глафира Дементьевна.

— Может, у тебя, мамаша, из-под пола фонтаны бьют? И не беспокой нас больше, а то ментов вызову, скажу, что деньги вымогаешь, тебе это надо? — с наглой ухмылкой заявил сосед и удалился.

Глафира Дементьевна жалобно посмотрела на Пестикова, стоящего на площадке, и беспомощно развела руками.

Генерал вернулся в свою квартиру.

— Парфеныч! Не возражаете, если я помогу старушке воду собрать? — спросила Оленька и, не дождавшись ответа, ушла.

Песиков поставил чайник. Не успел он закипеть, как в дверь позвонили.

— Опять ключи забыла, чумичка, — проворчал генерал и пошел открывать.

Но на пороге была не Оленька, а Елена Васильевна с какими-то бумагами в руках. Она успела переодеться и снять бигуди. От нее пахло дешевыми духами.

— Подпишите коллективное письмо против гаражей во дворе, — гневно призвала она, протягивая Пестикову листок с несколькими подписями.

— Насколько я знаю, у нас во дворе один гараж и его владелец имеет официальное разрешение, — возразил Пестиков.

— Еще скажите, что Грузин — настоящий инвалид и участник боевых действий! Все же куплено! — ноздри Елены Васильевны угрожающе раздулись.

Пестиков взял ручку. Он сердился на Оленьку за то, что ушла в такой неподходящий момент. Если бы она открыла дверь,

можно было бы соврать, что генералу нездоровится, и тогда бы подписывать ничего не пришлось.

— Глафира Дмитриевна! — завопила в открытую дверь Елена Васильевна.

Глафира Дементьевна появилась в коридоре. Она держала мокрую тряпку.

— Ничего я подписывать не буду. Подпишу тогда, когда во дворе останется единственная машина. Иначе — несправедливо, — спокойно сказала она.

— Какая вы умная! А еще учительница! Мы же детскую площадку построить хотим! А вы демагогию разводите! — взвизгивала Елена Васильевна.

Глафира Дементьевна подошла к двери и медленно закрыла ее.

Пестиков прокашлялся, буркнул «извините» и тоже поспешил удалиться.

Детскую площадку микрорайону подарил кандидат в депутаты, щедро тратящий деньги взамен на голоса избирателей. Детская площадка была установлена за насколько часов прямо посреди двора. На от-

крытие прибыл сам кандидат со свитой. Правда, говорил всего одну минуту и быстро укатил. Приехали корреспонденты местного телевидения с камерой, прожектором и микрофоном. Двор показали в новостях. Елена Васильевна на сутки стала звездой экрана, произнесшей в эфире целых восемь слов. Основное интервью дал, конечно, благодетель-кандидат.

Пестиков знал деда новоявленного депутата и никаких иллюзий по поводу его предполагаемого депутатства не питал. Лет двадцать назад приходилось Пестикову отмазывать внука по просьбе деда от уголовной статьи. Глядя на благообразную физиономию бывшего бандита в телевизоре, генерал качал головой и вздыхал.

Но вернемся к детской площадке. Она была слишком громоздкой. Из-за нее во дворе стало не протолкнуться: ни пройти, ни проехать.

Яркая разноцветная горка полностью перекрывала выезд из гаража. Грузин был побежден. Через несколько дней гараж испарился, как не бывало.

Недели три во дворе было особенно шумно. Дети со всей округи сбегались покружиться на карусели, покататься на качелях, съехать с горки. Совсем маленьких приводили мамы, некоторых привозили на машинах, которые оставляли тут же во дворе.

Хозяйка Люба была при деле. Она следила за порядком на детской площадке. Иногда она вмешивалась в детские игры и, конечно, не оставляла без внимания ссоры родителей.

Скандалы во дворе возникали по несколько раз в день. Дошло до того, что хозяйка Люба сцепилась со своей неизменной соратницей Еленой Васильевной. О причинах конфликта Пестиков не знал, а только слышал со двора их яростные вопли, свидетельствующие об идейных разногласиях. Елена Васильевна позволила себе прилюдно и громогласно упомянуть о семейных несчастьях Любы:

— Лучше бы ты, хабалка, следила за своим сыночком-алкашом и за доченькой — наркоманкой конченной! А не совала свое рыло в чужое дело! — восклицала она.

Это удивило генерала, но Оленька объяснила ему, что «бить горшки» вполне соответствует характеру отдельных людей. Ведь Елена Васильевна в недавнем прошлом захлеб дружила с Грузином и его женой. Но потом принялась неистово дружить с Любой уже против него.

Генерал Пестиков, любивший раньше посидеть на лавочке во дворе, теперь предпочитал уходить на прогулку в больничный парк.

Встретив в парке совершающую вечерний моцион Глафиру Дементьевну, Пестиков поклонился и спросил:

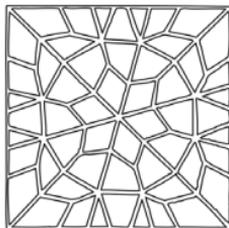
— Поговаривают, домовый комитет собирает подписи, чтобы перенести детскую площадку в другое место, более просторное. Не слышали?

— Неудивительно! Никому нет покоя. Так всегда бывает, когда безмерная любовь к детям начинается с ненависти к какому-нибудь грузину, — заметила Глафира Дементьевна и, печально улыбнувшись, неторопливо пошла дальше по аллее.

P.S.: Избавиться от детской площадки, зажатой в тесном пространстве двора, оказалось сложно, ибо она, а точнее, металлопластиковые конструкции в количестве шести штук, уже числилась на балансе ЖЭКа. Столкнувшись с непреодолимыми бюрократическими препятствиями, общественность двора обратилась к заслуженному человеку, персональному пенсионеру Николаю Парфеновичу Пестикову. Только генералу с его старыми связями было под силу снять детскую площадку с баланса ЖЭКа и передать на баланс дошкольного учреждения соседнего микрорайона. Дело осложнилось тем, что к моменту передачи в упомянутых металлопластиковых конструкциях не было живого места. Из-за осенне-зимних погодных неурядиц, а также стараниями энергичных местных подростков детская площадка пришла в состояние, близкое к аварийному, что, впрочем, никак не сказалось на ее популярности. Но все же в один прекрасный день, к всеобщему облегчению, она исчезла.

Жизнь во дворе вернулась на круги своя.
Обитатели двух домов вздохнули свободно.
Как все-таки прекрасно вновь обрести
покой после внезапных потрясений!

ЗАМОРОЧЕННЫЙ КОНСИЛЬЕРИ²

Разрешите представиться. Я — Голос
Одна тысяча Восемнадцатый. Из се-
мейства Голосов Холодных Пророческих.
Легко можно догадаться, что моя прямая
обязанность — морочить людям головы.
Но знайте: членов нашего привилегирован-

² - В структуре мафиозной семьи **консильери** (итал. consigliere) — советник семьи, человек, которому босс может доверять и к советам которого прислушивается. Он служит посредником при разрешении спорных вопросов, выступает посредником между боссом и подкупленными политическими, профсоюзными или судебными деятелями либо выполняет роль представителя семьи на встречах с другими семьями. У консильери, как правило, нет собственной «команды», но они имеют значительное влияние в семье. При этом у них обычно есть и законный бизнес, например, адвокатская практика или работа биржевым маклером.

ного семейства не часто посылают к шизофреникам и психопатам. Нам чаще приходится работать с гениями и провидцами. А эта братия не очень-то гостеприимна. Постоянно норовит от нас, Голосов, избавиться, сначала выжать информацию, а потом постараться поскорее расстаться с нами. С ними не пообщаешься. Тут не до взаимного духовного обогащения.

И все-таки однажды мне повезло. (Скучно без конца обслуживать Нострадамусов да Сократов). Я был прикреплен к одному почти безобидному индивидууму, бывшему вору и предателю, свихнувшемуся на почве собственной жадности и подлости. Несчастный он был человечиска, этот Леонид Егорович Веденеев...

Леонид Егорович Веденеев быстрым шагом шел в свой кабинет. Развевающиеся полы его светлого кашемирового пальто мягко задевали дверные косяки. Двигался Л. Е. стремительно, но вовсе не по причине спешки. Просто он не привык медлить,

зная наверняка, что движение продлевает сроки жизни. За Леонидом Егоровичем торопливо семенила его верная тень - водитель, охранник, верный ординарец и безукоризненный исполнитель некоторых конфиденциальных поручений Андрюша.

Они молча вошли в кабинет. Андрюша подхватил сброшенное с плеч шефа пальто и вышел в приемную. Леонид Егорович остался в одиночестве. Тишина невесомой паутинкой опустилась на его плечи, руки, массивный дубовый стол, роскошные бронзовые часы у левой стены. Уткнувшись взглядом в одну из своих бриллиантовых запонок, испускающую тонкий светящийся голубоватый лучик, он, казалось, сросся с тишиной, но потом решительно встал кресла, подошел к двери и резко открыл ее. Он всегда старался застать обитателей предбанника врасплох. Его забавляли их растерянные взгляды и бестолковая суэта в движениях, вызванная, без сомнения, его присутствием.

Эльвира, оторвавшись от компьютера, послала шефу тревожно-вопрошающий взгляд экскурсовода, боящегося, что он не сможет ответить на каверзный вопрос, а сидевший на диванчике у окна Андрюша настороженно приподнялся. Леонид Егорович по привычке махнул рукой и скрылся в своем кабинете.

Направившись к своему креслу, он прошел мимо телевизора, и в подслеповатом экране проплыло его отражение, размытое и чуть искаженное. Да, набрал в весе он последнее время! Тут он вспомнил, что во времена шальной юности, а потом на зоне его звали Ленька Пухлый из-за широкого шекастого лица и будто утонувших под мясистым лбом глаз. И как бы он ни тошал на скудных тюремных харчах, лицо его никогда не теряло своей необычайной округлости.

Смешно подумать, что из-за пуза он сокрушается! Тут такие дела назревают, что впору о душе подумать! Не перестаю удив-

*ляться людям! Уже до сумасшествия док
тился, а все ему нейдет. Вот и сосед мой,
Голос Сто пятый Суицидальный, того же
мнения. Он вообще настоятельно рекомен
дует нашему общему клиенту «покончить
со всеми невзгодами разом». Но мне это
не по нраву. Так проблемы не разрешают
ся, честное благородное голосовое слово.*

Опустившись в кресло, Леонид Егорович обнаружил сидящего напротив шуплого мужичка лет сорока пяти на вид. Мужичок сидел, съезжившись и втянув лысоватую голову в чахоточно-узкие плечи.

— Вы кто? Как вы сюда попали? — встревожился Веденеев, почувствовав легкий спазм под ложечкой.

Мужичок затравленно заулыбался, демонстрируя кривые крупные зубы, и тихо произнес:

— Не припоминаешь, Ленчик? Я Валик... Не просто Валик, а бухгалтер твоего первого кооператива... — мужичок замялся и умолк.

— Да... Что же... — Леонид Егорович растерянно моргал. — Давно ты здесь? Что тебе от меня нужно?

— Ничего не нужно. Уже ничего... Я-то, собственно... только повидаться, в глаза тебе, как говорится... — улыбка на лице бухгалтера преобразилась в злобный оскал.

— Говори, зачем притащился, и вали отсюда в темпе! — властно предложил Л. Е.

Бухгалтер молчал и все так же зло усмехался.

— Убирайся, тебе сказано! — хозяин начал терять терпение.

— Проклинаю тебя... — произнес Валик абсолютно невыразительным тоном. — Давно тебя проклял. А теперь пришел сообщить об этом.

Веденеев со сдавленным стоном зажмурился. Когда открыл глаза, стул напротив уже был пуст.

Леонид Егорович бросился к двери.

— От меня кто-нибудь выходил?! — рывкнул он с порога.

— Кто? — удивилась Эльвира. Ничего не ответив, Веденеев вернулся в кабинет.

— Андрюша, он, наверное, снова таблетки перестал принимать?! — голос Эльвиры испуганно дрогнул.

— Не исключено. Третий день бормочет что-то себе под нос и лицо снова каменное.

— Так не годится! Давай я буду их в чай ему подмешивать, — предложила Эльвира.

— Попробуй, — выдавил из себя Андрюша. — Доктору надо звонить, пусть знает, вдруг придется определять в больницу, как тогда, весной.

— Чего же ты ждешь?! — возмутилась Эльвира.

Мы, Голоса Пророческие, обладаем широчайшими возможностями манипуляции человеческими особями. Я, например, с успехом использую пришествие к людям «посланцев». Эффект получается поразитель-

ный! Казалось бы, мужичка, лепетавшего невесть что, можно не слушать. Правильнее сказать, не придавать его словам никакого значения, но мои эксперименты всегда успешны. Почему? Да потому что мои "посланцы" - страхи клиента. А к страхам любой человек относится трепетно.

Короче, люблю я этот метод воздействия — дешево и сердито! Могу, кстати, и бабу любую заслать. Лучше, конечно, красивую. Неравнодушен я к женской красоте...

...Веденеев с опаской потрогал спинку стула, на котором только что сидел бухгалтер. Или не сидел? Вновь непрошенные посетители. Их голоса шушукуются в голове уже целых две недели. Придется все-таки глотать гадость, которую психиатр прописал. От лекарства этого в мозгах вата и звон, и ни одной путной мысли, но зато нет голосов и видений.

В прошлый раз перед лечением в психушке Леонида Егоровича «посетил» давным-давно ограбленный им дедок с седой

козлиной бородкой. Он еще лет тридцать назад еле-еле дышал. Наверняка его давно нет в живых. Но он сидел на стуле и в упор смотрел на Веденева, упрекая последнего за то, что тот отнял у него шкатулку со сбережениями. В ушах Леонида Егоровича потом долго скрипел его старческий голос. Вот привязался! Мало того, что из-за копеечных дедовых «сокровищ» Пухлый срок получил, так он еще и «в гости» повадился! А теперь и бухгалтер туда же! Этого только не хватало! Валика Веденев за решетку укатал, свалив на него все грехи кооператива. А что было делать? Ситуация требовала жертвы. Не самому же снова сидеть! Но если к этой парочке страдальцев присоединится еще кто-нибудь из прошлой Веденевской жизни, можно будет открывать клуб «Кто проклял Леньку Пухлого». Нет, без таблеток спокойно жить невозможно!

Так я и думал! Таблетки! Опять! Какие все-таки сволочи эти психиатры! Глушат

нас, Пророческих, химией. А, между прочим, мы среди остальных Голосов аристократы, и от медицинских препаратов становимся сонными, вялыми, едва слышными. Сами понимаете, совершенно невозможно полноценно работать в подобной обстановке!

...Попав в тюрьму, Ленчик Веденеев, несмотря на молодость, довольно быстро разобрался, что к чему и кто к кому. Он соблюдал правила, повинаясь сильным. Стеллся, заискивал, лебезил...

Здесь ему очень пригодился один врожденный талант. Вернее, инстинкт. Ленчик непонятным образом чуял назревающий конфликт, начиная с едва зародившегося в ком-то недовольства. Он знал, когда и с кем нужно переговорить, посоветоваться, попросить поддержки. И скоро Веденеев стал необходим для различного рода переговоров и сделок. Он стремительно обрастал полезными связями. Именно это и было его призванием. Пухлым его звали

все реже. А затем, уже на свободе, благодарные бывшие товарищи по тюремным нарам нашли ему теплое местечко с соответствующим чином. Не сразу нашли, но об этом я еще успею рассказать.

Леониду Егоровичу нравилось ходить на службу и подписывать бумаги. В самом начале он сделал попытку разобраться в специфике вверенного ему департамента, но знаний не хватило. И тогда он предоставил полную свободу действий своим замам. Пусть вкалывают по полной. Себе же он оставил самое важное: подпись под документами. Подпись была уверенной и размашистой, одним словом, начальственной. А еще этот кабинет был Важным Передаточным Пунктом.

...Эльвира, как всегда, процокала каблучками к столу и положила перед шефом папку со словами:

— Учтите, я не уйду, пока не подпишете!

И сразу же, потеряв к папке интерес, решительно уселась на стул. Раньше она ничего подобного себе не позволяла. Сложив на коленях тонкие изящные руки, она цепко посмотрела Веденееву в глаза. Он нахмурился и отвел взгляд.

— Вот видишь, Ленчик, — сказала Эльвира, — все тебя покинули, кроме меня. Я тебя предупреждала. Твой непутевый отпрыск расшибся на мотоцикле, супруга тебя бросила. Отомстила за меня. За мои слезы и бессонные ночи. Ты ведь меня не бросил, а полубросил, что еще оскорбительнее...

Веденееву захотелось ударить ее по лицу. Взять и заехать со всего размаху пятерней по напудренной гладкой щечке. Проверить — женщина, сидящая сейчас перед ним, действительно Эльвира или очередной мираж.

Всегда знал, что Пухлый — ЖЛОБ! Он на все способен ради собственного спокойствия. А у меня всякое желание сотру-

ничать с ним пропало. Настоящие мужики на женщину руку не поднимают. Даже мысленно... Все! Пора мне в монастырь, не так ли?

Леонид Егорович не стал бить Эльвиру. Не потому что пожалел, а потому что был почти уверен: она - очередная галлюцинация. В затылке мерзко защемило, в глазах запрыгали блестящие точки. Куда же подевалась его отменная интуиция?

«Все хорошо, — успокаивал он себя. — В чем она была с утра одета? В какой-то жуткой лиловой кофте — ничего общего с этим платьем... Значит, она ненастоящая, ненастоящая... Что и требовалось доказать! Прочь, негодное видение!» — Леонид Егорович перекрестился несколько раз, но нескладно, с заминками, словно не сразу припомнил, как это делается. Он закрыл глаза, а когда открыл, стул был пуст.

Да, ушлый парень этот Ленчик Пухлый. По правде сказать, пройдоха, каких мало...

И лодырь редкостный. Чего люди только не делают, лишь бы не вкалывать. И воруют, и грабят, и подличают...

Пара слов о «послеотсидочной» деятельности Ленчика: работал он обычным «сборщиком». Мзду собирал с «низов» для «верхов». И что особенно примечательно, считал это для себя стоящим делом. И относил себя, видите ли, к честным труженикам. К деньгам был жаден до неприличия.

По сути, ничегошеньки не изменилось со времен Левия Матвея. И «сборщики» все так же циничны, меркантильны и безнравственны. В конце концов все они заканчивают плачевно, только не все догадываются о причинах... Возмездие тоже ведь разным бывает. И не всегда это молнии с небес. Случаются и вполне бытовые вещи: с близкими несчастья, тихое помешательство...

...Эльвира Хвостова принадлежала Веденееву пятнадцать лет. Она была из ред-

кой породы существ, которые способны проявлять бездумную собачью преданность субъекту весьма сомнительных достоинств.

Веденеев сделал ее своей любовницей на третьей неделе знакомства. Сначала он провел оценку ее деловых качеств, испытал в роли цербера при своей особе, а вслед за этим явился к ней домой и заташил в постель без лишних церемоний. Через год она родила от Веденеева мальчика. Ребенка он признал, но законную свою жену не бросил.

Пару лет назад Леонид Егорович прекратил свои визиты к Эльвире. Еще полгода спустя вручил ей банковскую карточку с приличными деньгами для сына и намекнул, что на этом между ними ВСЕ кончено. Но работать при себе оставил. Не последнюю роль в этом решении сыграла осведомленность Эльвиры во многих делах шефа.

...Не успела исчезнуть секретарша-при-

зрак, как в кабинет вошла настоящая Эльвира. Она принесла серебряный поднос, на котором глухо бряцала чайная чашка.

— Не хочу чаю, принеси кофе, — за-капризничал Леонид Егорович.

— Вы сегодня слишком нервозный, так что лучше попейте чай, — невозмутимо ответила Эльвира и, опуская поднос на стол, вкрадчиво сообщила: — Людочка звонила, очень просила вас приехать.

Веденеев страдальчески обхватил голову руками и ничего не ответил.

Его дочка Людмила два месяца назад родила безнадежно больного ребенка. Он категорически отказывался от всяческих контактов с горячо любимой своей девочкой, трусливо прячась от ее горя.

Когда Эльвира произнесла имя дочери, он ощутил тиски, сжимающие мозг, тошнота подступила к горлу, а руки противно задрожали. Какая-то животная паника охватила Веденеява. Он издал громкий стон

и смахнул поднос на пол. Эльвира попятилась к двери и выскользнула в приемную, оставив шефа погруженным в оцепенение — взгляд его остановился на одной точке, лицо превратилось в подобие гипсовой маски.

Эльвира плотно закрыла дверь. На немой Андрюшин вопрос она покачала головой:

— Да не вышло ничего! Грохот слышал? Это поднос летел, чай вместе с лекарством на полу... Отвезти бы его домой не мешало, но сейчас у него важная встреча...

— Та самая?

— Ага, — подтвердила секретарша.

Об этой встрече я вам вот что скажу. Хваленая Ленкина интуиция явно подкачала. Даже я, обычно безразличный к поворотам судьбы своих клиентов, впервые отступил от правил и подсказывал ему, что следует проявить осторожность, залечь на дно, переждать. Безрезультатно! Попер Пухлый ва-банк. Куш оказался очень соблазнительным.

...Против своего обыкновения, Веденев на этот раз, встречая гостя, энергично пожал ему руку. Тому, правда, было невдомек, что обходительный хозяин попросту проверяет: не галлюцинация ли перед ним?

Визит был коротким, обо всем было договорено заранее. Посетитель отдал Веденеву кейс с крупной суммой денег и ретировался.

После его ухода Леонид Егорович опять было впал в ступор, но телефонный звонок выдернул его из забвения:

— Нужно уходить срочно, прямо сейчас... Тобой занялись вплотную!

Весть о неприятностях на удивление быстро привела Веденева в чувство. «Оставь манатки, драпать нужно налегке», — нежно нашептывал голос, с некоторых пор постоянно живущий в его голове. Но Леонид Егорович не в силах был расстаться с кейсом.

Встревожено озираясь, он вышел в предбанник и сказал:

— Меня такси внизу ждет, поеду...

— А как же... А нам что... — беспомощно промямлила почувывая неладное Эльвира.

— Остаетесь... — бросил Эльвире Веденеев.

Позвольте сделать вывод: какие-то алчущие мутанты, а не люди вокруг. Им хоть руки-ноги руби, они зубами в добро вопьются! Глупо! Человеку ведь так немного требуется...

...Зыркая исподлобья по сторонам и тяжело дыша, Веденеев несся по перрону. Время от времени он замедлял шаг и принимал вид человека, абсолютно равнодушного к окружающему миру. Но назойливый голос в мозгу все время требовал: резвее, резвее, резвее. Подчиняясь ему, Л. Е. вновь пускался рысью.

Для своего бегства он выбрал поезд — чтобы без регистрации. Забраться в вагон, подальше от любопытных глаз... Он оплатил целое купе на первом попавшемся маршруте, только бы скорее выбыть из горо-

да. А там будет видно...

Пышногрудая проводница пытливо взглянула на дорого одетого пассажира. Веденеев, чтобы погасить ее излишнее любопытство в зародыше, достал стодолларовую бумажку, свернул трубочкой и вставил в нагрудный карман ее форменной куртки. Она затолкала ее поглубже. Перрон опустел — посадка закончилась.

...Ближе к полуночи Леонид Егорович очнулся от зыбко-туманного забытья. В купе пахло чем-то вроде квашеной капусты - запах был отвратительный, не добавлял бодрости и тусклый свет. Поезд то разгонялся, то тормозил, и такая езда сильно действовала на нервы. Веденеев прилег, прижимая к груди кейс с деньгами.

Дверь в купе отворилась, и на пороге возникла молодая белокурая красавица в коричневой норковой шубе до пят. Она бесцеремонно уселась напротив Веденеева, нога на ногу. Он подозрительно посмотрел на гостью и хрипло произнес:

— Что вы тут забыли? На выход!

— Хам! — возмутилась женщина. — А еще в бриллиантовых запонках, при дорогих часах. Ботиночки из крокодила... — она наклонилась к Веденеевским ногам, чтобы лучше рассмотреть его обувь.

— Я все это заработал!! — возмущенно взвизгнул Леонид Егорович. — Я что, зря на нарах столько лет провел?! И потом... все смертные грехи на себя брал!.. — он всхлипнул и зажал рот ладонью, будто понимал, что ему следует заткнуться.

— Сама грешница, — заверила красавица. — Только денежки в чемоданчике чужие, там только процент твой — посреднический, а ты целиком прикарманил. Опасная затея! Однако твоя отчаянная лихость мне импонирует. А то пережужешь свою пресную жизнь и получишь в итоге небытие, забвение и пустоту. А чугунные оковы грехов — это ж совсем другое дело! — Девушка усмехнулась, сверкнув белоснежными зубами. — Грешки-то не позволят душе раствориться в космическом ва-

кууме, и появится перспектива продолжить ей свое земное существование в попытке искупления. Только все это страшновато как-то, правда ведь? — ее тон неожиданно стал очень ласковым.

Веденеев с готовностью кивнул, хотя совсем не был уверен в ее правоте. Да он ее почти и не слушал. Способность размышлять покинула его. В несчастном измученном мозгу мелькали какие-то обрывки мыслей. Он никак не мог сосредоточиться. Хотел выяснить у гостыи, кто она такая, но тут же забыл об этом. Заподозрил, что у него снова начался бред. Девушка говорила все тише и тише. Ее облик тускнел, пока вовсе не исчез.

Развеселое, черт возьми, это дело — погоня! Она неизменно интригует и будоражит! Мне неоднократно говорили, что я неправильный Голос — подвержен некоторым людским страстишкам. А мне плевать! Какой-нибудь мелкий прохиндей для меня куда занимательнее великого мыслителя.

Но вернемся к Веденееву. Перед побегом его преследовали наступали буквально на пятки. Уголовное дело, оперативно-розыскное... Да, настал черед Ленчика — не все же ему кого-то продавать, другие тоже кое на что способны. И если бы не своевременное предупреждение, взяли бы под стражу прямо в кабинете, на глазах у злорадствующих подчиненных. Но ему выпала удача — побегать напоследок, вдохнуть воздуха свободы. А это, уверяю вас, тоже немало!

...Проводница энергично гроыхнула дверь и громко выпалила:

— Ваша станция! Стоим четыре минуты!

Потом с фальшивой заботливостью спросила:

— Отдохнули немножко? А то все говорили во сне, говорили...

В коридоре вагона Веденееву стало зябко, а через минуту его колотило не от холода, а от предчувствия беды. Он был почти

уверен, что кары на этот раз не избежать.

Наконец-то до него дошло! Боюсь, что скоро мы распрощаемся с Ленькой Пухлым. И останется он в компании других Голосов, Суицидальных и Горячечных.

На перроне Веденеева ждали двое мужчин в темных плащах. Он не сопротивлялся, легко отдал одному из них чемоданчик. Вздохнул с оттенком некоторого облегчения — ведь теперь ему будет проще, теперь за него будут решать другие, им и карты в руки... А он болен, очень болен... Леонид Егорович бросил прощальный взгляд на кейс и побрел прочь рядом со своими безмолвными конвоирами.

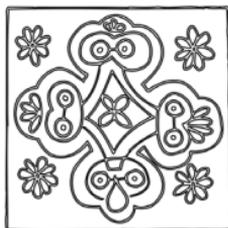
— Так тебе и надо! А то никак не нажрут-ся! Хапают и хапают, падлы ненасытные! — услышал Веденеев громкий голос проводницы. Или ее злые слова почудились ему?

На этом завершилась история моего клиента Леонида Егоровича Веденеева. В

тюрьму его, болезного, ясно, не посадили. Признали невменяемым и упекли в психиатрическую больницу. Там ему и место! Теперь он пожизненно будет на слоновьих дозах транквилизаторов, и мне с ним, мягко говоря, стало неинтересно. Посему попросился я на новую работу.

Прикрепили меня к одному нытику-шелкоперу. Писатель, блин! Сплошные жалобы на несварение желудка. Пишет, зараза, бред, но такой упоительный, заслушаешься! Строчит как из пулемета! Я ему даже кое-что нашептываю. Участвую в творческом процессе. Так что можно считать нас соавторами.

ЗАМОК С ПРИДУРЬЮ

Валерий Маркин, стоя у окна своей спальни, смотрел на городскую ратушу. И ратуша, и вся площадь перед ней были хорошо видны из его окон. Сейчас он разглядывал кобылу, запряженную в старинный экипаж, в каких в позапрошлом веке ездили вельможи. Экипаж был украшен пестрыми лентами, лошадиная сбруя поблескивала алмазами заклепок. Пожилой кучер пан Карел, добрый знакомый Валерия, набросив на голову капюшон широкого плаща, расчесывал стриженую гриву лошади. Туристов не было, и

кучер с лошастью явно скучали.

Накрапывал мелкий дождик. Лошадь все время прядала ушами, и если бы не это, была бы похожа на статую. Она походила на памятник даже мастью, не то серой, не то бурой. Странное животное. Валерий так и не выяснил у пана Карела, какой она породы.

Пан Карел ни бельмеса не знал по-русски, а Маркин одинаково плохо владел чешским и немецким. Тем не менее собутельниками они были отличными, и тосты у них были афористичными, без пространственных пожеланий. Пан Карел уважал бехеровку³, а у Валеры всегда имелась бутылочка в запасе.

Дождик наконец-то иссяк, и одинокий солнечный лучик заиграл на мокрой брусчатой мостовой. Внезапно он погас, но тут же хлынул сплошным ослепительным потоком света из-за исчезающей тучи.

³ - **Бехеровка** (чеш. Becherovka) — чешский крепкий ликер (фернет), родом из Карловых Вар, настоянный на травах. Первоначально этот ликер делали как желудочное лекарство. Крепость составляет 38%.

Когда Маркин впервые увидел эту ратушу и дома, окружающие площадь простецкой заплатачной готикой, а за ними стену зеленых гор с запутавшимися в облаках вершинами, у него от восторга перехватило дыхание. Это была сказка. Так красиво, что не могло быть правдой! Раньше он думал, что правда — серенькая и неприглядная. Вся правда на свете, кроме одной — его жены. Особняк на ратушной площади предназначен ей и никому больше.

И он приобрел его, пытаясь победить сестроту собственной правды, и с тех пор Средние века надолго поселились в жизни Маркина, прочно застряли в ней вместе с приобретенным домом. Не просто строением, а настоящим замком! Произведением искусства, артефактом с островерхой протекающей крышей! Старая Европа, древний городок, ратуша, горы, экипаж в лентах и... женщина... Хотя женщина была и до этого.

Все цветы и драгоценности мира должны были принадлежать ей одной! Это было твердое убеждение Валеры Маркина. По-

этому в цветах и драгоценностях недостатка не было.

Десять лет она была его женой. Десять лет он ее завоевывал снова и снова. Когда он в очередной раз добивался ее благорасположения, их обдавало студеным дыханием страсти, будто ложе служило скованное льдом озеро. Но внезапно ледяной панцирь, подтаяв, проваливался, и они погружались в зыбкую обжигающую влагу, затягивающую, словно трясина, и беззвучную, как небо...

Маркин раньше думал, что Природа создает людей, как на конвейере — человечка за человечком, вкручивая в середку катоды и аноды качеств и способностей. И только ради таких, как ОНА, конвейер останавливается, и в Природе-ремесленнице пробуждается творец. Такую женщину невозможно вылепить впопыхах. Ее следует лепить осторожно, боясь неловким движением нарушить гармонию. Ведь в ней нет ничего лишнего. Она будто с рождения осведомлена, что и когда следует делать, о чем говорить, когда следует мол-

чать и смеяться. Природа вложила в нее не серийные комплектующие, а штучные оригинальные детали. Отсюда, наверное, и житейская умудренность, и сосредоточенность, и умение повелевать окружающими без нажима. Сказано же — ничего лишнего!

К ней никогда не прилипали ласковые прозвища, которыми пытался наделить ее супруг. Она была Евгения! Имя не просто подходило ей, оно как бы проистекало из ее облика и манеры держать себя. Назвать ее Женей не поворачивался язык. Евгения — и точка!

Дом в Европе Маркин покупал, подсознательно стремясь поместить жену за «хрустальную стену золотого вольера». Она и впрямь стала проводить больше времени с мужем в этом замке, бывала здесь, пожалуй, чаще, чем в родном городе.

Ожидая ее, он с напускной задумчивостью закуривал сигару, давясь едким дымом, разворачивал газету, в которой не понимал ни слова. В общем, строил из себя лорда на отдыхе. Он нетерпеливо прислуши-

вался, когда же звякнет колокольчик на парадной двери и войдет ослепительная Евгения в сногшибательном белом пальто и красных перчатках.

...Колокольчик на входе разбудил задремавшего хозяина. Валера поспешно спустился и отворил дверь. Вместе с риэлтором Дианой, нарядной и ухоженной, снаружи влетела суета. Даже долго молчавший мобильник тут же нахально затрезвонил. Маркин сказал несколько слов в трубку, перенес разговор на вечер.

— Жена? — спросила Диана.

Вдруг Валера осознал, что жена никогда ему не звонит. И вообще неизвестно, знает ли она номер его мобильного. Скорее всего, он внесен в память ее телефона, но, увы, без надобности. Валера всегда звонит сам, множество раз за день.

...Диана была из тех поздних эмигрантов, которых дома никогда ничего не устраивало. И они отрывались от отечества в поисках новой почвы для новых корней, новых впечатлений и новых забот.

Диана осмотрела дом, похвалила реконструкцию и пообещала незамедлительно начать поиски покупателя.

— Когда я оформляла вашу покупку на этот объект, честное слово, не ожидала, что здесь можно навести такой фильдеперс, — одобрительно сказала она. — Жаль только, что вложенных денег вы не вернете, — рынок теперь не тот. Может, не будете продавать?

Муниципалитет, продавая дом, потребовал не переделывать фасад, чтобы не изменился облик площади. Это существенно усложнило реконструкцию. Дом незаметно выудил из Маркина все средства, подмял бездонно разрушенными подвалами весь его бизнес без остатка, проглотил многотысячные кредиты. И все ему было мало. Не дом, а прямо Робин Бобин Барабек, который, как известно, скушал сорок человек. Верхний этаж так и остался нежилым.

Маркин вдруг по-свойски спросил:
— Диана, скажите, вы счастливы?.

Валерий не рассчитывал на ответ, но она ответила:

— О чем это вы? — На ее губах мелькнула грустная улыбка. — Я в порядке, и это мне нравится. Люблю четко организованную жизнь, по-другому буду чувствовать себя не в своей тарелке. А настоящее счастье — лишь миг... Пришло — ушло, а что дальше?

Валерий был удивлен ее ответом. Она производила впечатление человека сугубо прагматичного, а тут — рассуждения о счастье...

Она ушла, и в доме снова все замерло. Валерий вернулся в спальню и застыл у окна. Сумерки, медленно сползая с гор, стекали на площадь размытыми тенями. Совсем скоро зажгутся андерсеновские фонари и красивая лошадь пана Карела зацокает копытами по каменной мостовой, направляясь на ночлег.

Валерий вспомнил об отложенном разговоре и набрал номер бывшей своей любовницы Вари. Ему пришлось объяснять, что пятимесячная разлука не бывает из-за

занятости или неприятностей. И что она — не случайность. Люди расстаются, когда заканчивают отношения. И зря Варя забывает многократно сказанное, а помнит только то, что ей хочется помнить.

Маркин бросил Варвару, когда о его «хождении налево» узнала жена. Вернее, когда она дала ему понять, что знает о его отношениях с В. Евгения, в разговоре мимоходом упомянув о сопернице, не стала развивать эту щекотливую тему. У Валеры после их разговора случился спазм сосудов и началась мигрень. Но вины он своей не ощутил. По всей видимости, не захотела Евгения, чтобы он чувствовал себя провинившимся кобелем. Она, решив, что пора достать мужа из объятий чужой женщины, подарила ему сногшибательную неделю любви.

За время брака Валерий так и не разгадал секрета Евгении. То, что она сутками могла не сходить с высоченных каблучков и после бессонной ночи смотрела ясными, будто только что умытыми глазами, более

или менее было объяснимо. Но ее тайну — главный двигатель, перехватывающий у мужиков дыхание, — он разгадать не мог. Она была не красивее, не умнее и не богаче своих сверстниц. Быть может, этим двигателем была ее мужская профессия? Профессия редкая и светская — режиссер. Евгения ставила оперные спектакли в нескольких авангардных музыкальных театрах Восточной Европы. За постановки ей хорошо платили. Впрочем, Маркин не мог представить свою жену просящей у него денег. Ему казалось, что, умирая от голода, она бы все равно не обратилась к нему за помощью.

Вечер разлегся на ратушной площади, проник своей антрацитовый мглой в спальню. Маркин все смотрел в окно. Ему показалось, что вот-вот заковыляет по мостовой сонный трубочист, черный от цилиндра до башмаков. Ощущение старой сказки никогда не покидало Валеру во время его пребывания в замке. Но сегодня сказка была какой-то недоброй. Может,

потому что Евгения задерживалась по неизвестным ему причинам. И ни звонка, ни сообщения... Наконец проснулся колокольчик на входе.

На пороге стоял пан Карел в плаще и с хлыстиком в руке. Из его беглой старческой стрекотни Валера понял, что с ним кто-то пришел и просит впустить. Из-за плеча кучера выглянула молодая цыганка. «Изумительной твердокаменной аутентичности народ! Наверняка ее прабабка ходила в точно такой же шали и в такой же юбке. И точно так же не церемонилась с обывателями», — подумал Маркин и пригласил их войти.

Цыганка гибко просочилась между неповоротливым кучером и дверью, озабоченно огляделась в холле и негромко заговорила на своем языке, энергично качая головой и прицокивая языком. По испуганному благоговейному взгляду пана Карела Маркин догадался, что старик, как ребенок, верит в цыганские гадания, колдовство и приметы.

Валера, не раздумывая, сунул цыганке в

руку довольно крупную купюру. Она осеклась, заулыбалась, поцеловала денежку и быстро спрятала ее за пазуху. Валера ожидал завершения спектакля, но цыганка возобновила свою речь с новой силой. Она явно старалась объяснить хозяину что-то важное, и, скорее всего, сведения эти касались замка. А пан Карел, если и понимал вещунью, смысл сказанного ею до Валеры донести не мог. Потому и стоял молча, изредка переминаясь с ноги на ногу. В конце концов, все это Валере надоело, тем более что он был голоден. Ему захотелось побыстрее спровадить гостей.

Валера проснулся перед самым рассветом. Во сне он снова увидел цыганку, вечернюю гостью. Она низким мужским голосом громко повторяла по-русски: «В этом замке навечно поселились разорение и одиночество, бежать отсюда, бежать куда глаза глядят! Разорение и одиночество, одиночество...». При этом губы цыганки не шевелились, а по Валериной спине бежали мурашки. От мурашек он и проснул-

ся. Оказалось, это Евгения, прильнув щекой к его лопатке, дышала ему в спину. Валерий осторожно высвободился из-под одеяла, чтобы не потревожить спящую жену. Она ведь появилась всего пару часов назад, тихая и бледная. Правда, не преминула съехидничать по поводу Валериной дружбы с цыганами и кучерами. А он неуклюже оправдывался, поил ее зеленым чаем и нежно целовал ее усталые глаза...

Евгения потянулась и отбросила одеяло.

— Зачем так рано поднялся? — сонно пробормотала она.

На ней была шелковая ночная сорочка синего небесного цвета. Примерно такого же цвета был кардиган, в котором она явилась ночью. И большая кожаная сумка имела синие лаковые лямки.

О, эта ее способность творить идеальные соответствия вокруг себя! Во всем и всегда! Непринужденно и естественно!

Дождавшись восьми часов утра и терпеливо выслушав тягуче-растрепанный бой ратушных часов, Маркин позвонил свое-

му юристу. Тот проживал в соседнем городке и неплохо владел русским. Валериной просьбе собрать историческую информацию о его замке юрист удивился и тут же высказал свои соображения насчет очевидной запоздалости подобного действия.

Пока Евгения находилась рядом, все было сносно. Но как только она уехала обратно в Прагу, Валера впал в уныние. Иногда во сне ему мерещились ужасы о ведьмах, живьем замурованных в древних стенах, и о всяких бестелесных призраках.

Однако вскоре дела потребовали его присутствия, и Маркину пришлось покинуть замок.

Остатки своего бизнеса в Братиславе Маркину спасти не удалось. Никакое предприятие, даже самое прибыльное, не выдержит, если регулярно вынимать из оборота средства. Затрещал по швам его бизнес, а потом и вовсе рассыпался карточным домиком. А все этот замок — присосался, как пиявка! Маркин со страхом

наблюдал, как тают нолики на его текущем счете. Деньги, оставшиеся после ликвидации офиса, неумолимо заканчивались. Валера уговаривал себя, что начнет новое дело после уик-энда с Евгенией. Встреча с ней должна была придать ему сил. Много сил, чтобы начать с нуля.

Маркин не смог справиться с подступившей, словно вражеское войско, депрессией. Он вернулся в излюбленный городок среди бирюзовых гор и определил себя под домашний арест. Продукты приносил пан Карел, и Валера, сутками не выныривая из пижамы, стал принаравливать к гастрономическим пристрастиям кучера.

Через неделю добровольного заточения на Валерин электронный адрес прилетело письмо с подробной историей замка. Юрист обстоятельно перечислял все перестройки и ремонты, которых было множество, потому что строение не раз подвергалось почти полному разрушению. После строительной информации следовал полный перечень владельцев, начиная со дня

основания города. Внимательно изучив пространную справку, Валера понял, что ни одна из супружеских пар, живших в доме, не дотягивала до преклонных лет в браке. Все расставались! По разным причинам: кто из-за измен, кто, уверовав в сплетню-клевету, а кто, желая спасти состояние. Разводились, уходили в монастырь, уезжали из этого города навсегда.

Валера напился в компании пана Карела. Старик безропотно наливал в фужер виски и неодобрительно качал седой головой. А ночью Валере снова приснилась цыганка...

За три дня до обещанного приезда Евгении он привел замок в идеальный порядок, прекратив хмельные посиделки.

А потом Валере позвонил отец и скорбным голосом сообщил:

— Сынок, Евгения просила передать, что подала на развод. Нам с мамой жаль, но, судя по всему, это ее окончательное решение! Что там у вас стряслось?

Маркин рухнул на диван. Подобная но-

вость, пожалуй, свалит кого угодно!

На звонки Евгения не отвечала. И тогда Валера напился в одиночку. Накачался водочкой под завязку, до полнейшего аута.

И все время бормотал что-то: то вел перепалку с цыганкой, то на коварство замка сетовал.

Маркин пришел в себя в Пражской больнице. Плечи и руки жгло, как на костре. Он с недоумением посмотрел на свои повязки. Его лицо исказилось от боли, когда он шевельнулся. У кровати сидела Евгения. Она растянула в тревожной улыбке губы и сказала:

— Слава богу, ты жив. Тебя так накачали лекарствами, что ты всю дорогу до Праги был в отключке. Так что дела твои пока не очень... Скажи, нарочно ты замок поджег или это случайно вышло?

— Неужели замок сгорел! Хорошо бы — дотла! Проклятое место!

— Не говори глупости! Ущерб невелик, пожар вовремя потушили. Продашь, по новой начнешь бизнес, — спокойно

заметила Евгения.

Тут Валера вспомнил о разводе. Он попытался приподняться.

— Ну все, ты поправляйся, а мне пора. Лежи смирно! И прощай! — торопливо произнесла Евгения.

— ПОЧЕМУ?

Она бесстрастно ответила:

— Я побывала дома, что тебе должно быть известно, твоих навещала. Там я совершенно случайно встретила с Сашей Ключевым. Припоминаешь такого? Если нет, я напому. Это тот, с которым вы вместе взяли огромный кредит на двоих лет десять назад. Ты свалил с деньгами за границу, а его кинул с банком разбираться. Он, между прочим, в тюрьме сидел... Ты ему конкретно жизнь испортил, милый мой!

Евгения встала, легким движением одернула узкую юбку. Валера не верил своим ушам, в голове звенело. Как она смогла узнать о его давнишней афере? Он и сам-то почти забыл о ней, заставил себя забыть.

— Неужели ты думаешь, что можно почестному сколотить состояние? — сказал

Валера так, будто схватился за соломинку.

— Мне всегда было плевать, есть у тебя состояние или нет. Мне вообще плевать на бабки. Будет нужно, заработаю. А не зарабатываю — обойдусь. Но дольше быть с тобой не считаю возможным!

— Но я люблю тебя!

— Я тоже тебя люблю. — Евгения повернулась и пошла к выходу из палаты.

— Цыганка предупреждала... накаркала, сука... — зашипел Маркин, а Евгения совсем тихо произнесла:

— Она просто попрошайничала, цыганка твоя. Пророка нашел! Я с твоим паном Кучером разговаривала после пожара. И стыдно, Валерик, за такое долгое время язык не выучить. Как вы только умудрялись пьянствовать, не общаясь? Ладно, прощай!

Приступ удушающей паники купировали инъекцией снотворного. Порывавшийся вскочить и броситься догонять Евгению Валера обессилено повалился головой на подушку. От стремительно разносимого по крови препарата все вокруг закружи-

лось. Где-то в центре этой круговерти появилась фигура судьи в черной мантии с деревянным молотком в руке. Цыганка! Она! Каменное лицо и будто отдельно от него злобная ухмылка. Рядом с судьей — адвокат, пан Карел, с виноватым видом пожимающий плечами. Валере захотелось поправить его съехавшие набекрень белые букли парика.

«Черт возьми! Защитничек! Ни бэ, ни мэ, ни кукареку...» — сквозь густую медикаментозную дрему подумал Валера.

— За мошенничество, за кражу кредитных денег... приговорить... расторгнуть брак... — гудел низкий голос судьи, но губы цыганки не двигались, а деревянный молоток так и норовил стукнуть Валеру по лбу.

Кошмар отступал постепенно. Первым растаял пан Карел. «Все равно от него толку, как от козла молока» — мелькнуло в пробуждающемся Валерином сознании. Затем судья-цыганка загадочным образом лишилась молотка. И наконец Валера остался один в больничной палате. Он от-

крыл глаза. За окном вечерело. Валера четко и удивительно спокойно осознал, что Евгении нет рядом с ним. И, наверное, уже не будет.

Несмотря на упадок душевных сил, Валера быстро поправился. Замок был без жалости продан за полцены. Сразу после этого Маркин собирался оплатить какую-то новую постановку Евгении, отдать деньги Саше Ключеву, подлечить родителей. Но в итоге ничего предпринимать не стал, смирился с участью брошенного мужа и окончательно осел в европейской глубинке, в том же городке, неподалеку от ратушной площади, где он недорого снял комнатуху у старого пропойцы пана Карела.

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Давно ожидаемый конец наступил в 6.38 утра. Малоразговорчивый усталый доктор констатировал смерть и назвал время неожиданно писклявым для его мощного телосложения голоском. Медсестра в голубой медицинской пижаме и лихо надвинутой на брови накрахмаленной шапочке еле заметно кивнула и накрыла покойную простыней в зеленый горошек. Выходя из палаты, врач попросил:

— Только не малюй ФИО зеленкой у нее на бедре. Лучше бирочку подпиши, а то прозектор сердится и родственники обижаются.

Медсестра молча кивнула. Затем она вырубил монитор, монотонно гудевший рядом с высокой кроватью, и вышла, плотно притворив за собой дверь.

Палата интенсивной терапии хранила следы последних усилий дежурной смены. На столике использованные шприцы лежали вперемешку с ватными шариками и обрывками лейкопластыря. На высоком тонконогом штативе полупрозрачной петлей покачивалась капельница.

Реанимировали недолго, без особой надежды, по большей части потому, что так было положено. Яркий, но какой-то отрешенно-безрадостный солнечный свет лился сквозь оконное стекло. В палате было пусто, если не считать неподвижно лежащего худенького женского тела под простыней в зеленый горошек.

Вернулась медсестра. Она ступала почтительно тихо, будто старалась не нарушить покой усопшей. Приподняв простыню и обнажив белую хрупкую ногу покойницы, повязала на шиколотку клеенчатую бирку с кривыми синими буквами.

Проснувшись, Елена открыла глаза не сразу. Утреннее солнце назойливо проникало под веки. Она осторожно шевельнулась и с удовольствием убедилась, что боли нет. Вообще ничего не болит, ни капельки. Неужели боль не просто временно загнана в угол анальгетиками — ее более не существует? Елена не сомневалась, что мучения ее больше не возобновятся.

Она разомкнула веки. Оглядев свою спальню, она попыталась вспомнить, когда вернулась домой из больницы. Но память будто споткнулась на длинной веренице однообразно-кромешных дней в онкологии. В голове никаких сведений ни о результатах лечения, ни об улучшении состояния, ни тем более о выписке не содержалось.

Елена осторожно сползла с кровати и встала на ноги. Равновесие устойчивое, непривычная легкость во всем теле. Удивительно и очень приятно! Несколько шагов

по шелковистому ковру впечатления не испортили. Подспудный страх, что боль снова придет, улетучился.

Большое зеркало отразило Елену от макушки до пяток. Она искоса глянула на себя, приготовясь увидеть серое изможденное лицо, острые костлявые плечи, обтянутые одряхлевшей кожей ключицы, тонкие руки... Но из зеркала смотрела милая стройная розовощекая женщина. Вполне свежая, разве что растрепанная и немножко заспанная. И снова можно рассчитывать, что никто не даст ей ее возраста. «Ни за что не поверим, какие такие пятьдесят с гаком? — будут повторять, словно попугаи, родственники, знакомые и малознакомые люди. — От силы сорок пять, да и то с натяжкой!». Это не лесть с их стороны. Она и вправду мало менялась с годами — всегда легкая, смеющаяся, с огоньком в больших глазах. Вот и сейчас они горят. «Вид цветущий, а вот с мозгами у меня, похоже, полное фиаско, — подумала Елена, рассматривая свою модную девчоночью стрижку. — Надо же, как Альцгеймер по-

молодел!.. У бабушки провалы в памяти начались после семидесяти... А мои-то какие годы... Никак в толк не возьму, когда это меня так подлатали? Экспериментальные препараты, что ли? Может, вспомнится как-нибудь...».

За окном дерево с крупными желтыми цветами, похожими на тюльпаны, шевелило на ветру руками-ветками и звенело листвой. Редкое, прекрасное, любимое тюльпанное дерево! Зацвело! И как пышно!

Стоп! Елена подскочила к окну и принялась разглядывать листву. Июнь! Дерево зацветает в июне! А в больницу Елена легла в декабре. Не месяц выпал из памяти, а полгода! Прежде она за собой такого не замечала. Наверняка какой-то побочный эффект от лекарств. Что происходило в эти полгода? Стоит ли вспоминать?

На календаре красненьким окошком был отмечен понедельник, семнадцатое июня. День рождения! Мать божья, сегодня ей стукнуло пятьдесят семь! Если только она не забыла сменить число вчера. Или по-

завчера? Или неделю назад?

От пронзительного звонка в дверь Елена вздрогнула.

Подруга детства Лерка ввалилась в прихожую вслед за огромным букетом гербер и еще большим плюшевым медведем-пандой. И герберы, и Лерка, и панда — все показалось до мельчайших деталей знакомым, но в то же время ненастоящим, призрачным...

— С днем рождения, Алешка! — взвизгнула подруга тренированным mezzo-сопрано школьного завуча с двадцатилетним стажем. «Значит, все-таки сегодня семнадцатое...» — мелькнуло в голове у Елены. От нарядной Лерки пахло дорогими сигаретами и еще более дорогими духами.

— Да-а, пятьдесят пять — это вам не траля-ля! — продолжала Лерка, бросив на пол медведя и воззрившись на себя в зеркало у входной двери.

Елена чуть не уронила вазу, в которую собиралась поставить букет. У нее перехватило дыхание.

— Сколько?! — переспросила она.

— Ла-а-адно тебе, Алешка! Не расстраивайся! Мы с тобой девчонки еще хоть куда! — не отрываясь от зеркала, утешила подругу Лерка.

А который год на календаре? Значит, ей сегодня исполнилось пятьдесят пять! Ну конечно! Ранний утренний визит подруги, плюшевый медведь-панда в натуральную величину, Леркины духи, розовые герберы, необычайно буйный цвет тюльпанного дерева под окном... Это уже было, было, было! А все, что запечатлелось в памяти после этого ее пятьдесят пятого семнадцатого июня, это что — бред? Галлюцинация? Сон?

Горло сковал ужас. Елена мотнула головой, как будто желая вытряхнуть из нее бред и галлюцинации. Но вместо ясности вспышкой озарилось: больничная палата, на высокой кровати тело женщины, накрытое простыней в зеленый горошек и аккуратная бирка с фамилией на тошей лодыжке.

...Она сидела за кухонным столом лицом к лицу с говорившей без умолку подругой. Физически Елена чувствовала себя прекрасно. И если бы не наваждение, если бы не странное возвращение в давно прошедший день, чудесное исцеление, безусловно, осчастливило бы ее...

И тут Елену осенило. На ее пятьдесят пятый день рождения в ресторане готовили на заказ огромную фаршированную рыбку. Значит, теперь она должна быть здесь. Елена вскочила и ринулась к холодильнику. Точно, есть... Большой серебристо-серый остромордый осетр на блюде... Ноги Елены стали ватными. Она захлопнула дверцу холодильника.

— Ты чего сегодня такая потухшая? — удивилась Лерка. - Угомонись давай, тебе вечером целую гоп-компанию гостей принимать! И заметь — без меня. В командировку еду.

Елена посмотрела на подругу. Располневшая и постаревшая, но молодящаяся изо всех сил дама. Броская одежда, блеск бижутерии... Хотя все еще хороша, чертов-

ка... Добрая, веселая, любимая Лерка! Елена закрыла глаза и задержала дыхание, противные мурашки забегали по лопаткам... Лерка ведь погибла в прошлом году, на машине перевернулась! В прошлом году? В будущем году? Аккурат после пятьдесят шестого семнадцатого июня...

Елене опять невыносимо захотелось проснуться.

2

Она широко распахнула глаза. Лепнина на потолке, припорошенная сероватой пылью. Давно не мытая старинная бронзовая люстра. Едва уловимый запах сырости и застоявшегося табачного дыма. Так пахнет там, где много курят, но затем тщательно проветривают.

Елена в подробностях помнила этот день. И мерное похрапывание слева подтверждало ее подозрение, что это именно тот день, ее сорок пятое семнадцатое июня. Она вздохнула, вдруг ясно осознав, что каким-то чудесным образом путешествует по

собственной жизни. Может быть, она сейчас в коме и то, что происходит — всего лишь видения, продукт нарушенной работы мозга. Она, кажется, что-то о таком читала...

Возможно, ее преследуют выкрутасы памяти? Тяжкое психическое расстройство? Стоит, наверное, обратиться к врачу. Нужно позвонить Лерке, у нее весь город в друзьях-приятелях. Елена хотела встать и взять мобильник, чтобы набрать номер подруги. Но тут же вспомнила, что в год ее сорокапятилетия никакой сотовой связи не было и в помине. Этот факт не обескуражил Елену и не озадачил, а только слегка позабавил. Она даже улыбнулась старой люстре.

Сопение слева прекратилось. «Проснулось мое сокровище генеральское», — с радостью подумала Елена. И правда, артиллерийский генерал Михаил Артемович Грибов приподнялся на локте, схватил Елену за подбородок и крепко поцеловал в губы. Она отстранилась от него, хотела что-то сказать, но он навалился на нее своими ши-

роченными плечами и снова поцеловал. Миша-генерал всегда брал все, что ему было нужно, без промедления и колебаний.

Елена задохнулась в его объятиях. Он целовал ее самозабвенно, отбросив одеяло, ловко и быстро избавив ее тело от пижамы. Елена после развода не помышляла о новых отношениях, тем более о таком бурном романе... Но - нате вам, влюбилась! В самого молодого из генералов, ловеласа и позера, чуть-чуть романтика, чуть-чуть солдафона, а еще — упрямца, вольнодумца, но в глубине души — одинокого ранимого мальчика.

— Алешка! С днем рождения! — прошептал на ухо Елене Михаил Артемович и надел на ее запястье топазовый браслет.

Она, не посмотрев на украшение, потрогала его. Разглядывать не было надобности: она знала на нем каждый камешек, каждый изгиб серебра, каждую бороздку и царапинку... Такой драгоценный подарок, во всей жизни — самый драгоценный!

Вспышка в голове вывела Елену из эй-

фории: простыня в зеленый горошек, бирка на лодыжке, топазовый браслет на тонкой мертвой руке. Она не расстанется с ним до самой смерти!

Елена вспотела в один миг и села в кровати, прижимая к обнаженной груди браслет. Миша-генерал чмокнул Елену в плечо и, поднимаясь, спросил:

— Кофе варить как обычно? Пойду готовить завтрак. Сегодня тебе как имениннице полагается отдыхать целый день. — Он направился на кухню, что-то насвистывая.

Елена перевела дух и подумала: «Сейчас скажет — я приготовил сюрприз, но не сдержусь: мы едем кататься на лодке по Днестру».

— Алешка! — донесся из кухни Мишин голос, — я приготовил тебе сюрприз, но не сдержусь: мы едем кататься на лодке по Днестру! Ты рада? Признайся, что ты счастлива!

Елена снова легла и закрыла глаза. Сколько раз она крутила в мыслях кино этого дня? Сотни, тысячи, десятки тысяч

раз! Только теперь совершенно ясно: это и есть ее последняя любовь. От такой ясности любовь ощущалась с особой ослепительной силой. Елена до боли стиснула зубы. Из-за чего они расстались? Из-за смехотворно ничтожного происшествия? Из-за связисточки в штабе округа, засмотревшейся на красавца-генерала? Елена никогда ревнивицей себя не считала, но тогда ее как подменили. Она ничего в своей душе, кроме раненого самолюбия, не ощущала. И упорно шла к разрыву, как самоубийца к краю пропасти. Полная кретинка! Елена сжала кулаки.

Но как бы то ни было, сейчас ей подарен этот день. И можно долюбить, доласкать и дожалеть... Сегодня будет Днестр, сизая вода с плакучими ивами над заводами, с громогласно умиротворяющим хором птиц, насекомых, лягушек и ветра в камышах. Будет лодка с мотором и веслами, островок как на фото в туристическом буклете. И Миша-генерал, такой пылкий, нежный, неистовый! И брезентовый

полог палатки, и шипение костра, затухающего под струями дождя... Запах прелого листа, дыма, тройного одеколона от комаров, запах Мишиного пота...

А еще будет разговор. Даже не разговор, а несколько слов, но каких слов! Елена скажет Мише: «Любимый мой! Я ни за что не хочу с тобой расставаться! Никогда-никогда! А если я сойду с ума и стану похожа на злобную гарпию, не обращай внимания, не слушай и не отпускай меня! Держи меня покрепче, как ты умеешь! Побей, посади на цепь, но не отпускай, заклинаю, мой генерал!».

Елена обязательно все это ему скажет во время дождя, в палатке на островке, прижавшись виском к его губам. Чтобы он мог чувствовать ее пульс, но не мог перебить... Он, конечно, посмеется, но когда будет нужно, вспомнит эти ее странные слова. И поймет, что это была вовсе не болтовня опьяненной любовью женщины...

Лежа нагишом, Елена продрогла. Она встала, набросила на плечи легкое одеяло и пошла навстречу кофейному дурману, летящему из кухни.

Елена надеялась проснуться в генеральских объятиях. Засыпая, она робко думала о том, что теперь, после сказанных правильных слов, время тоже пойдет правильно и память оставит ее в покое. И они с Михаилом Артемовичем будут жить да поживать... Если не наяву, то хотя бы в долгом счастливом мираже, так похожем на реальность.

Но, вынырнув из сна, Елена поняла, что напрасно тешила себя пустыми надеждами. И сон оказался не многочасовым, а многолетним. Она печально усмехнулась: так прекрасно было вчера, десять лет вперед. Ведь нынче тоже семнадцатое июня. Судя по запаху краски и клея — ее тридцать пятый день рождения. А значит — отнюдь не безоблачный день.

Ремонт, будь он трижды неладен... Да бог с ним, с ремонтом. Все равно позже, так его и не закончив, она поменяет квар-

тиру на меньшую с доплатой.

Елена спешила в больницу к маме. Дорога была до тошноты привычной. Будто не существовало после этого дня десятков лет памяти, похоронившей под ворохом мелочей самое главное. Когда-то, впервые переживая этот день, по дороге в больницу Елена уповала на милость провидения, а точнее, на благоприятный результат биопсии. Она надеялась, что маму можно спасти, вылечить, вернуть... Тень былой надежды, жалкий бледный отблеск и сейчас брезжил где-то глубоко в сознании: а вдруг на этот раз результат будет нормальным, а иначе зачем ей повторно дана возможность пережить этот день?

«Я разделяю ваше нетерпение, — посочувствовал Елене лечащий врач. — Если желаете поторопить ответ, ступайте в прозекутуру к патологоанатому. Возьмите гистологию — и ко мне». Елена прошла по утопающему в зелени больничному парку. Вид маленького уютного домика со сказочной двускатной черепичной крышей абсолютно не вязался с табличкой «Морг» на две-

ри. Елена пересекла пустынно-гулкий траурный зал, преодолела длинный темный коридор. В кабинете патологоанатома слегка пахло формалином и потухшими свечами. Цветы на подоконниках, картины и фотографии на стенах. О предназначении кабинета ничего не свидетельствовало, ну разве что микроскоп на столе и надбитый в нескольких местах эмалированный лоток с десятком мутных предметных стекол. Высокая худая женщина средних лет в белом халате встретила Елену грустной улыбкой.

— Вынуждена сообщить неутешительный вывод, — с тяжелым вздохом сказала женщина и добавила, — плоскоклеточный рак.

Елена приняла из ее рук желтоватый бланк заключения и застыла, остановив взгляд на женщине. И вдруг по щекам сурового патологоанатома потекли слезы. И она, только что сдержанная и равнодушная, заговорила срывающимся громким шепотом:

— Послушайте! Ваша мать очень скоро умрет! Не повторяйте мою ошибку —

пойдите к ней и попросите прощения за все! Скажите ей, как тяжело вам ее потерять. Пусть она знает, насколько вы цените то, что она сделала для вас, как вы любите ее за то, что она отдала вам себя! Я не сделала этого, когда неделю назад умирала моя мама у меня на руках. Я врач и прекрасно знала, что она уходит навсегда, но не сказала ей ни одного нужного слова. Только бляяла какую-то чушь о том, что все будет хорошо... Я смалодушничала! Уже не исправить, не исправить! А вы можете! Вы еще успеете!

Они поплакали вдвоем, вытирая салфетками мокрые лица и шмыгая носами. А Елена почти забыла эту беседу. Ей врезался в память страшный диагноз и дрожащий в руке бланк гистологического исследования. Еще она помнила себя, не чувствующую под собой ног на пути в мамину палату... Так вот для чего ей повторно ниспослан этот день! Чтобы пойти и сказать все так, как просила та скорбящая женщина. Собрать все силы в кулак, сделать глубокий вдох и... Только бы справиться с бега-

юшими глазами, трясущимися руками и дрожью в голосе. А какие придумать слова? Как выбрать нужные из несметного количества пустых и ничтожных?

Елена присела на диванчик в больничном вестибюле. Задумавшись, она не сразу заметила рядом с собой молодого человека интеллигентной наружности, в очках. Одет он был в темный спортивный костюм. Елена подумала, что спортивный костюм совершенно не идет ему. Лучше бы он надел деловой костюм или, на худой конец, джемпер с джинсами... Где-то она уже видела этот слегка насмешливый взгляд сквозь очки... Хотя в прошлый раз в этом дне они точно не встречались.

Юноша пристально взглянул на Елену и негромко спросил:

— Блуждаете по прошлому?

Елена содрогнулась всем телом от его мимолетного замечания. Увидев ее замешательство, он любезно пояснил:

— Я хотел сказать, что вы, наверное, погрузились в воспоминания. Или я ошибся?

— он хитро прищурился и улыбнулся.

«Какое необычное выражение глаз! Как будто этот парень всех и все давно простил, и себя заодно простил, чтобы суета не мешала чему-то первостепенному...»

— подумала Елена и сама изумилась своему выводу.

— Не знаю, как сказать маме... — начала Елена.

— Что она умирает? — мягко закончил за нее юноша. Елена поежилась и отвела взгляд.

— Это сложнее, чем признаваться в последней любви, когда и так все ясно. Хотя следует признать — с этим тоже не все справляются. Лучше всего помогает природа, например, лодка и река.

Елена снова вздрогнула. Такой молодой, а уже так много понял о жизни! Или просто много знает о Елене?

— На самом деле не столь важно, что вы скажете дорогому человеку, — продолжал юноша с видом старого профессора, обожающего читать нравоучения, — страшно помереть в одиночестве и угодить под убогую

простынку в зеленый горошек. Просто будьте с ней рядом и обнимите в решающий момент или пожмите руку. Вот так. — Он осторожно взял руку Елены в свою теплую ладонь и сжал ее пальцы так сильно, что их кончики побелели. Елена вырвалась и прошептала:

— Кто вы такой? Откуда вы меня знаете?

Молодой человек встал и сказал:

— Проводите больше времени с близкими! И не убивайте в себе младенцев. В себе нужно истреблять жадность и эгоизм, а не маленькие жизни! Блуждать по прошлому, как видите, бывает полезно... Глядишь, повезет, и подправишь кое-что... — бросил он напоследок с извиняющейся улыбкой и пошел прочь по коридору.

Елена судорожно сглотнула. Она смотрела ему вслед и была почти уверена, что этот парень — плод ее больного воображения. Но пальцы... Пальцы все еще хранили следы его пожатия. Даже очередная вспышка с картиной больничной палаты и простыней в зеленый горошек не напугала Елену больше, чем этот диковинный разговор.

Ее двадцать пятое семнадцатое июня. Неспешно выплыв из сна, Елена узнала тот день по огромным ромашкам в вазе на столе. Они — от Сережи, от мужа. За окном пасмурно—монотонный душный дождик, а в комнате светло от белых цветочных солнц. На подарок посерьезнее у Сережи не хватило денег. Но Елене с детства нравились ромашки. Так и тянет погадать: любит — не любит...

Елена встала со скрипучего колченого дивана, потянулась, с удовольствием ошупала свою упругую грудь и тонкую талию, посмотрела в зеркало на дверце старого шифоньера. «Хорошенькая!» — частенько шептали у нее за спиной мужики. В последнее время Елена просто светилась изнутри. Беременность явно шла ей на пользу. Ах, если бы не проклятушая нищета!

Когда-то, в первом течении этого дня, ей было безумно страшно. Как они выживут, если она уйдет в декрет и не будет

брать сверхурочную работу? На что им жить? И где? Комната съемная, а муж комнате, питание и ребенка на убогую инженерную зарплату не потянет.

В записке около вазы с ромашками его рукой написано: «Алешка! С днем рождения! Убегаю на работу. Умоляю — не ходи сегодня, повремени. Нужно еще раз все обсудить. Люблю. Целую. С.».

Елена на сегодня записана на аборт, и это ее окончательное решение. Муж будто бы и понимает все, но прямо ничего не говорит, только ходит смурной все время. Подразумевается, что он против. Но ему тоже страшно, даже больше, чем ей...

Елена развернула записку. Та самая, написанная наспех, так и не убедившая ее изменить свои планы... Но теперь-то все можно сделать по-другому. Можно по-другому прожить этот день — можно не пойти к гинекологу-подпольщику, не подвергнуться операции без наркоза, не опустошить себя до самого доньшка.

Елена ткнулась носом в желтую середи-

ну ромашки и поморшилась. Она и забыла, как они неприятно пахнут. А не отправиться ли ей на работу, не отменить ли с трудом выпрошенный отгул? Или лучше все же не ходить, а уехать далеко-далеко на доисторическом чихающем автобусе. Да-да, устроиться между галдящими сельскими тетеньками, едущими с утреннего базара по домам в обнимку с пустыми корзинами и бидонами. И пусть Елену мутит от токсикоза, запаха бензина и от дорожных ухабов. Зато дед Степан в деревне будет рад ее приезду. И обязательно зарежет курицу и сварит домашний бульон, а пятнистая корова Маруся даст по такому случаю щедрый удой исключительно в целях полноценного питания будущей матери. А потом, ближе к вечеру, придут в гости соседи. Кто с винцом, а кто и с самогоном... А уедет Елена обратно в город уже затемно. День детоубийства пройдет мимо - она сбежит от него в деревню к бабушке. Вот и прекрасно! И будь что будет!

Елена допоздна бродила по улицам и хо-

тела так бродить до самого утра. Но утро не приближалось ни на минуту. Время словно застряло на без двух минут двенадцати.

А что, если уморить себя до полного изнеможения? Не засыпать, пока «рубильник» в голове не отключит сознание, как при перегреве. Может, тогда время потечет в нормальном направлении и она заживет своей исправленной жизнью еще раз?.. Который? Она не знала. И ей было страшно. Выпадет ли ей снова проснуться в каком-нибудь дне своего рождения? Она старательно припоминала их, свои семнадцатые июня, не всегда радостные, не всегда значительные, не всегда долгожданные. В общем, разные.

Елена спрашивала себя, хочет ли она проснуться, например, в своем двадцатом семнадцатом июня? А в пятнадцатом? Но ответа у нее не было. Она лишь чувствовала, что адски устала. Дарованные сверх лимита дни навалились на плечи грузом лишних десятилетий со всеми возможными промахами, страданиями и страстями.

Весьма утомительное путешествие. Ноги подкашивались, глаза застилали слезы. Стрелки на часах не двигались. Полночный город высился вокруг Елены пестрым лабиринтом. Она слышала хлюпанье луж и шелест дождя. Она тонула в этом дожде, задыхалась, не в силах найти выход из лабиринта. А он все плотнее и плотнее смыкал свои стены у нее за спиной.

«Господи! Молю о забвении!» — подобно молнии сверкнула в голове чужая мысль. В гаснущем сознании понеслась череда лиц и событий. Чаще всего являлся юноша-философ в очках. Его сменяли мама, Лерка, муж, Миша-генерал. Он, мама, опять Лерка. И снова: муж, мама... И тускнеющие вспышки с картиной больной палаты и простыней в зеленый горошек.

ФЛЕЙТА, ЖУЖА И ДЕНЕК

Лара с самого раннего детства вставала рано. И никогда не меняла своей привычки. Жаворонок, ничего не поделаешь. Она, может, была бы рада поспать еще часок-другой, но какая-то неведомая сила выдавливала ее из-под одеяла и заставляла затемно начинать день.

Лара смотрела на огонь газовой конфорки. Маленькие голубые язычки пламени прозрачным хороводом бились в дно чайника, заставляя его угрюмо гудеть. Он, скорее всего, тихонько сердился на конфорку, на Лару, на это утро. А зачем сердиться? Неплохое утро, да и вечер сегодня

няшний сулит ей праздничное настроение.

Вечером Лара пойдет в Оперный театр, а потом она, возможно, отыщет свою флейту.

Играть на флейте Лара так и не научилась. Способности ее были ниже средних, в музыкальную школу поступила поздно и вскоре бросила. Вот и осталась без умения, но при инструменте. Почти всегда, возвратившись из театра, она, не снимая вечернего платья, бережно вынимала флейту из футляра и торжественно подносила к губам. Когда она вдыхала в этот изящный предмет порцию воздуха, наружу вырывались звуки. То сильные, то резкие, то конфузливо-вкрадчивые, то неожиданно веселые во всей своей несуразности. Жаль, что она не может сыграть хотя бы одну-единственную пьесу, хотя бы несколько чистых нот. Но звук для нее был не главным. Лара отдавалась осязанию инструмента и созерцанию себя с ним в зеркале. Она представляла себя музыкантом перед концертом, размышляла о том, как, наверное, волнующе это ожи-

дание, — до дрожи в коленях и холодка в животе. И тогда радовалась, что она не музыкант, с тихим вздохом облегчения смотрела на свою флейту, стирала с «губок» следы помады и прятала ее в футляр, а футляр — в шкаф. Потом она раздевалась и отправляла платье на законное место в шкафу, а сама мысленно возвращалась в театр — в реку звуков и страстей, из которой никак не могла вынырнуть. Да, впрочем, и не хотела...

Раннее утро умывалось унылым неспешным дождиком. Дождь начался еще ночью. Кляд-кляд... Кляд-кляд-д-д-д. Звонко — по стеклу заплаканного окна, гулко — по металлу водосточной трубы. Когда окончательно рассвело, давясь собственным криком, где-то среди мокрых веток закаркала ворона.

У Лары в голове все еще звучала музыка Чайковского. Какой вчера был восхитительный и вдохновенный вечер! Они были вдвоем: Лара и Опера. Теперь Лара слушала дождь и мысленно соединяла его ме-

лодию с мелодией арии Герцога. Казалось, дождь зарядил надолго, по крайней мере до вечера. Но к полудню антрацитовый студень неба разбросало. Оно снова стало голым и ясным. Все вокруг завертелось веселее: резвее поехал автобус, бодрее зашевелили ногами прохожие, даже навес на остановке расправил плечи. Цсух-цсух, цс-цс-сух — плескались колеса машин. Веера брызг задевали тротуары, добавляли воды в тамошние лужи, отгоняли людей подальше от дороги к стенам домов.

Лара, закончив все дела поздним вечером, съездила на заправку, залила полный бак. Вместо дождя надоедал холодный мокрый ветер-проныра. Он, безумный, но сосредоточенный, гудел во всех щелях, шуршал обрывками газет. Как будто дразнил: и не ждите, скоро не уймусь. Ветер схватил свободный конец Лариного шарфа и предательски прилепил самым краешком к ее напوماженным губам. Губы ярко отпечатались на светлом шелке. Лара поймала развевающийся шарф и заложила поглубже за воротник. Фонари метали рябь

света по влажной дороге. Перед тем как отправиться домой, Лара заехала в магазин, купила спагетти и соус на ужин. Прихватила сигареты.

Остановившись у своего подъезда и заглушив мотор, позади себя Лара услышала что-то, напоминающее хриплый стон. «Померешилось», — подумала она. Но звук повторился, и Лара испуганно оглянулась. На заднем сиденье лежала большая черная собака с повисшими ушами и смотрела на Лару тусклым печальным взглядом.

— Ты откуда взялась? — изумленно спросила Лара. — На парковке заскочила, что ли?

В ответ собака опять издала хриплый стон.

Лара собак недолюбливала — побаивалась, но сейчас страха не испытывала. Странно. Ничего, кроме недоумения.

Выйдя из машины, Лара открыла заднюю дверь. Собака тут же поднялась и осторожно спрыгнула на мокрый асфальт. Лара направилась в подъезд. Собака не от-

ставала ни на шаг. Она шла, грузно припадая на правую переднюю лапу и низко понутив голову. Только один раз она взглянула на Лару, исподлобья, невесело и почти безразлично. В молчании поднялись по лестнице, вошли в квартиру. Собака не остановилась в прихожей, а потащилась прямо в комнату и улеглась под балконной дверью.

Лара сняла ботинки, повесила куртку. Она чувствовала себя немного растерянной: как поступить с этой собакой? Прогнать? Нельзя, жалко. Оставить до утра, на несколько дней? Или навсегда поселить у себя? Собакам вроде бы прописка не нужна. Дом не будет таким пустым. Лара невольно дала собаке имя. Как-то сразу в голову пришло — Жужа. Да, Жужа звучит хорошо...

Лара опустилась в кресло, осторожно протянула руку, чтобы коснуться пыльной собачьей холки. Жужа не реагировала. Просто лежала неподвижно. Словно высохла. Нос сухой, сухие глаза, обидевшиеся на всех и на себя...

До самой полуночи продолжались попытки накормить Жужу. Лара перебрала все возможные варианты. Предлагалось жаркое, креветки, колбаса, банан и каша «Геркулес». Но собака, тяжело и часто дыша, отворачивалась от еды. Она только пила воду, с трудом шлепая языком. От нее нестерпимо воняло псиной. Ларе внезапно захотелось обнять ее за шею, прижаться лицом к горячему черному уху, уткнуться ее кожаный нос себе в щеку. И сидеть так вдвоем. Не с телевизором, бубнящим вздор вечера напролет, а с живым существом! Оно здесь, больное, грязное, угрюмое. Но такое живое! Ах, пусть бы существо это оказалось прожорливым и ласковым, исступленно преданным. Тогда бы все пошло у Лары с Жужей как по маслу: визиты к ветеринару, прививки, ошейник, прогулки по жесткому графику, война с блохами. И что там еще предполагается совместной собако-человеческой жизнью? И плевать, что Жужа «двортерьер». Лишь бы можно было сказать: «Побегу, а то мне собаку выгуливать».

Но Жужа, похоже, не особенно жаловала хозяйку, совсем не признавая Лару таковой. Строптивный характер? Или это из-за одолевшей хвори?

Лара встрепенулась от мысли, что вот сейчас встанет измученное животное и уйдет обратно в ночь, так и не позволив помочь себе — накормить, вылечить, приютить, полюбить...

Весь остаток ночи Лара не спала: она прислушивалась к хриплому дыханию Жужи. Перед рассветом собака перебралась к входной двери, полежала немного там, а потом начала громко заунывно выть и скрести дверь лапой.

Лара встала. Она была почему-то убеждена, что стоит открыть дверь — и Жужа исчезнет. Уйдет и не вернется. Точно так и произошло. Лара долго ждала у приоткрытой двери, всматриваясь во все еще густой сумрак лестницы. Потом она нехотя вернулась в постель и тут же провалилась в хрустальный сон без сновидений.

Выйдя утром из подъезда, Лара внима-

тельно огляделась. Даже обошла припаркованную неподалеку соседскую машину. Напрасно. Жужи не было: ни у мусоросборника, ни на детской площадке. Лара несколько раз глубоко вдохнула, принимая осанку балерины. При этом она изо всех сил старалась почувствовать себя сильной и юной, как много лет назад. «Юность никуда не девается, — твердила она себе, — оставаясь маленьким комочком где-то у солнечного сплетения. При большом желании всегда можно ею воспользоваться. Закрыть глаза, сосредоточиться и вырвать нужную порцию энергии из холестериновых сосудов и остеохондрозных суставов». Лара заставляла себя улыбаться, держась за руль, словно за спасательный круг.

Она продолжала улыбаться и тогда, когда что-то глухо, но сильно ударилось в бампер. Даже увидев на дороге у колеса лежащего ребенка, она не могла согнать с лица нервную гримасу. Мальчик пошевелился. Медленно, неслышно. Ларе почудилось, что она оглохла, так стало тихо.

Слух возвращался постепенно. Сначала

донеслись голоса собравшихся вокруг людей, затем сигналы проезжающих мимо автомобилей. Звуки были какие-то смятые, навыворот, что ли. Окончательно прояснилось уже в больнице, где из ее рук забрали ребенка, и она осталась в коридоре приемного отделения. Ждать. Долго, тревожно.

Лара перебирала в памяти детали происшедшего несчастья. Вот удар — и ОН, лежащий ничком в коричневой курточке. А рядом — красная бейсболка с белыми английскими буквами. Он маленький, худенький. Бледное личико в профиль, взерошенная челка, всего несколько крупных веснушек... Вместе с Ларой над ним склонилась еще одна донельзя напуганная женщина в цветастой косынке на голове, причитающая негромко:

— Денька! Эх ты! Ты это... Куда ж ты дернул?.. Слава богу, что живой, слава богу...

Когда в больнице спросили, кто мать мальчика, Лара оторопело оглянулась на эту женщину. Та попыталась объяснить,

дрожа подбородком:

— Я — его бабка. А он это... От меня бегаёт. Стервец. Добегался! — и заплакала со сдавленным аханьем, покачивая своей цветастой косынкой.

— Я имею отношение к медицине. К фармакологии. Поставки лекарственных препаратов. Так что, если будет нужно, говорите, я все... — проговорила Лара, глядя мимо медсестры.

— Разберемся. Сейчас доктор выйдет, скажет, — спокойно ответила медсестра, не поднимая глаз от журнала регистрации.

— Вы не думайте, я мальчика не оставляю, — зашептала Лара почти на ухо все еще плачущей бабушке.

— Спасибо... Вы же это... Не виновна. Вы же его не видали... Он носится как скаженный! И лазит все время в подворотнях, как этот... бомж... Непутевое дите... Как мамка его прошлой весной это... от дури своей... так он сорвался... — она в отчаянии махнула рукой и отвернулась, закончив свою речь уже куда-то в стену. — Спасибо вам, а то какие у меня деньги,

у пьющей женщины...

«Вот вам и собака, ушедшая из дома. Не к добру все это», — подумала Лара, и ей ужасно захотелось отмотать события назад, как киноленту, и поехать другой дорогой. Или не выезжать сегодня вовсе.

Денька был шуплый жилистый мальчишка восьми с половиной лет. Русоголовый, сероглазый, курносый. В зрачках смешинки, реснички вверх.

Очнувшись в палате, он тут же грязно, по-уличному выругался, скривил брезгливо физиономию и решительно оттолкнул от себя кислородную маску.

— Тетка, а ты кто? — спросил он у Лары высоким надтреснутым голосом.

Лара засмеялась, погладила Деньку по непослушным, давно не стриженным волосам и побежала на пост сообщить, что пациент пришел в себя.

Деньку лечили в больнице несколько месяцев. Сперва было тяжело, очень тяжело. Лара снабжала лекарствами, кашеварила, таскала соки и фрукты, дежурила у День-

киной постели, меняясь с бабушкой Клавой. Лара называла ее просто Клава, потому что они были почти одногодками. Только выглядела Клава много старше. Время от времени она уходила в запои. Дня на три-четыре, не дольше. Потом снова появлялась и преданно служила при Деньке нянькой.

Гипсовый корсет, вытяжки и прочие повязки вызвали сначала у Деньки бурю восторга. Но восторг длился недолго и закончился аккурат после росписи «под хохлому» шершавых гипсовых поверхностей фломастером. Больше ничего хорошего во всей этой больничной канители не было, что и говорить. Привыкший к вольной жизни Денек был постоянно раздосадован своим обездвиженным состоянием. И Ларе пришлось придумывать для него развлечения. В свободное от процедур и кормлений время Лара читала Деньке книжки. Сам он читать не умел, в школу никогда не ходил. Но зато Денька знал много такого, о чем Лара и не догадывалась. Например, знал он, что после пива клей лучше не ню-

хоть — стошнит, и что ночевать предпочтительнее в каком-нибудь подвале, а не в люке — там теплее и суше. Еще Денька знал все места в округе, где можно разжиться харчами. Еду и деньги он всегда только просил, не воровал. За воровство били. Он запросто делился с Ларой своим жизненным опытом, а у той мурашки от этого опыта пробегали по спине.

— Денечек! Пообещай, что больше не станешь жить на улице. Бросишь свой клей и попрошайничество. У тебя же есть где жить. А не нравится с бабушкой, живи у меня. Ну да, мы с тобой можем жить вдвоем. Только учти, я не буду терпеть твои побеги, — грозилась Лара, а сама думала, что до этих побегов ему еще нужно дотянуть, долечиться, встать на ноги.

Дениска наполнил существование Лары конкретным суматошным смыслом. Теперь она ни о чем другом и думать не могла. Только о больнице, докторах, Денькином питании, книжках и играх. Когда Лара начинала читать ему новую книгу, Денек сначала недовольно морщился и бросал:

— Обратно хрень какая-то сопливая!

Но, выслушав внимательно первые предложения, добавлял:

— Ладно, чти давай, читалка!

Лара и сама удивилась, как легко ей удалось уговорить подопечного учиться читать и писать. Правда, писать лежа было очень неудобно. И от этой затеи пришлось на время отказаться. Но счет Денек освоил так быстро, словно изголодался по знаниям, которые были положены ему по возрасту. Чтение шло хуже арифметики. Но Лара и Денька все равно чувствовали себя счастливыми. Особенно Лара. А Клава то и дело всплескивала руками и восклицала:

— Повезло тебе, Денек! Какой ты стал образованный! Молодчинки вы с Ларой! Это... Нет худа без добра. Вот залег, что поделать, но это... с пользой. В школу бы тебе... это...

До школы тоже нужно было дожить. Врачи пророчили долгую реабилитацию. С легкой Лариной руки Денек из больницы перебрался прямиком в санаторий. Уже без гипса и вытяжки. Но как только Лара по-

думала, что скоро наступит облегчение, Клава надолго запила. И Ларе пришлось поселиться в санатории вместе с изнывающим от затянувшегося лечения Денькой. Она взяла отпуск.

— Давай-ка мы с тобой собаку заведем. Большую, черную. И назовем ее Жужа, — уговаривала Лара Деньку. — Только потерпи еще немножко. Еще совсем чуточку, самую маленькую чуточку.

Из санатория Лара привезла мальчика к себе, поселила в гостиной и принялась обустроить его быт: от компьютера и одежды до занятий рисованием и лечебной физкультурой. Денька почти полностью поправился и все чаще просился гулять. Вольнолюбивая натура не давала ему покоя. А Лара все еще надеялась приручить сорванца, заменить свободу комфортом и вниманием. Клава не стала возражать против оформления Ларой опеки над Денькой. Сам Денек на это лишь безразлично пожал плечами.

Пока Деньке разрешалось изредка посидеть во дворе. Он брал свой новый мо-

бильник, надевал наушники и ковылял на детскую площадку, слегка прихрамывая.

Лара выглянула из окна. Обед был готов, а Денек все не возвращался. Вот он сидит на скамейке. Видна его сутуловатая спина. Плечи приподняты, упрямый наклон головы, как у взрослого. Кроме Деньки, на площадке, окруженной большими деревьями, всего несколько ребят. Двое совсем маленьких — около песочницы. А один, постарше, лет пяти, подкатил нарядным четырехколесным великом к Деньке. Денька отвлекся от мобильного, хлопнул пацана по козырьку кепки, а когда тот слез с велосипеда подобрать упавшую кепку, пнул ногой в колесо. Велик с громким звяканьем опрокинулся. Денек, как ни в чем не бывало, вернулся к своему занятию и опять склонился над телефоном.

Лара вздохнула. Она проявит терпение и не станет выбегать из дома. Лишь потом, будто между прочим, скажет Деньке:

— Нехорошо обижать младших. Усвоил?

Денька кивнет с хитрой ухмылкой и продолжит уплетать борщ за обе щеки.

Для того чтобы осенью отдать Дениса хотя бы во второй класс, Лара наняла репетитора, пожилую учительницу Людмилу Васильевну.

Людмила Васильевна приходила четыре раза в неделю и просиживала с Денькой по несколько часов кряду. Он вертелся на стуле, срывался и убегал то в кухню «попить воды», то в туалет, где запирался надолго. Но выдержке учительницы можно было позавидовать, и она каждый раз побеждала. Денька моршил нос, корчил смешные рожицы, но занимался. А по вечерам Лара выслушивала, как ему осточертела эта «старая кляча» и где он «видал всю эту прелестную учебу». Лара только улыбалась, гладила Деньку по жестким волосам и говорила спокойно:

— Ну, ну... Все через это проходят. Учиться необходимо. Нужно закончить школу. Такому умнику, как ты, и высшее образование не помешает.

А Денек мотал головой и вполголоса матерился.

В один прекрасный момент Лара осознала, что уже почти год не была в опере. Больше того, она даже не вспоминала об этом. Денька! Денька занял все ее жизненное пространство, не оставил ни одной свободной минуты, не оставил ни одного свободного желания. С некоторых пор все ее устремления были связаны исключительно с ним. Он стал ЕЕ мальчиком! Вернее, она стала принадлежать ему, подчиняя свою волю его интересам.

Вечером второго сентября Денек серьезно заявил, пристально посмотрев Ларе в глаза:

— Больше в школу я не хожу! Хорош с меня! Не хочу!

Лара хмыкнула и ответила:

— Нельзя следовать своим хотениям. Иногда надо себя заставить, преодолеть... Ты уже не босяк уличный! Есть такое слово — «надо».

Денька отвел глаза. Взгляд его стал злым,

колючим. Он больше не сказал ни слова, отправился спать.

Среди ночи Лара внезапно проснулась, вскочила с бешено стучащим сердцем в каком-то невнятном смятении. Она выбежала в кухню, заглянула в туалет, Деньки нигде не было. Диван со скомканной постелью был пуст. От приоткрытой входной двери тянуло промозглым сквозняком.

«Взял и ушел, — в отчаянье подумала Лара и обессилено опустилась в кресло. — Ушел! Не будет у меня Деньки! Ушел ночью, как и Жужа... Он больше не вернется. Что же мне делать? Что делать?..»

Пронзительно зазвонил телефон. Давно уже Лара собиралась поменять сигнал, который вечно вселял в нее муторную тревогу.

— Добрый день! Это Лариса? — раздался в трубке тихий усталый женский голос.

— Да, я.

— Я увидела ваше объявление у музыкальной школы по поводу уроков игры на флейте. Меня зовут Светлана Владимиров-

на. Я педагог и могу вам помочь. А сколько вам лет, простите?

— Сорок три. А что? — взволнованно спросила Лара.

— Очень необычно. И выбор инструмента неординарный... — женщина замялась, но через секунду продолжила. — Хотя дело ваше. Готовить я вас буду, наверное, не для сцены...

— О нет, конечно, только для себя! — воскликнула Лара. — Просто я... Я просто решила начать сначала!

— Что, простите? — не поняла Светлана Владимировна.

— Ничего, ничего. Когда мы можем начать уроки?

— Вы не спросите, сколько это будет стоить?

— Мне все равно, ведь не дороже денег. Я согласна в любом случае, — равнодушно сказала Лара, а сама подумала: «Начинать сначала в моем возрасте... Немудрено, что дорого обойдется».

ФЕЙЕРВЕРК ДЛЯ ДОСТОЕВСКОГО, или СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКОВ

«Не могу поверить! Проспал Новый год! Тогда кто его встретил вместо меня? Уж не ты ли, лохматая морда?» Я слегка раздосадован и, ясное дело, ищу виноватого. Мой кот осуждающе смотрит на меня из-под кудлатых бровей. Он приоткрывает маленький розовый рот и негромко мяукает. Получается надменно. Этот господин никогда «в базаре не буксует» и непременно оставляет последнее слово за собой.

На часах — половина первого.

— Ты почему не шумнул, зараза? Трудно было? — обижаюсь я.

Кот поворачивается ко мне спиной и нагло кладет короткий кривой хвост в тарелку с объедками.

Моего кота зовут длинно — Федор Михайлович Достоевский (теперь модно называть домашних животных именами гениев). Но он обычно игнорирует и полное имя, и его сокращенные варианты. Кот капризен, как начальник, и требователен, как милиционер. Никакой Куклачев не справился бы с таким независимым и склочным характером.

— Ма-а, — тихо говорит Федя, не обращившись.

— Попрошу без упреков. Сам знаю: пить надо меньше. Стараюсь, но, сам понимаешь, не всегда получается.

Обследовав содержимое нескольких бутылок, я испытываю жестокое разочарование — они неумолимо пусты.

— Ма-а, — настаивает Федор Михайлович и вальяжно спрыгивает со стула, словно он не простой кот из подворот-

ни, а по меньшей мере снежный барс, аристократ и сноб.

Я вздрагиваю от резкого звонка в дверь. Кого принесла нелегкая в такое время? Мне не хочется отделяться от дивана, но я с усилием встаю и иду открывать, еле волоча ноги. До чего я все-таки распустился — хожу по-стариковски в неполные пятьдесят! Но через несколько шагов понимаю: затекли икры. Пересекая просторный дизайнерский холл, ловлю себя на мысли, что, наверное, порадовался бы за себя, будь я здесь хозяином, а не зимним сторожем.

Открываю дверь, и тотчас холодный ветер дает мне ленивую пощечину. На пороге сутулится высокий дебелий парень, завернутый в плед, снятый с бельевой веревки во дворе. Вчера проказливый Достоевский ни с того ни с сего пометил кресло, на котором лежал плед. Надо сказать, Федька в последнее время ведет себя похамски: точит когти о мебель и бьет меня лапой куда попало. Недавно в нос угодил, когда я лежал на диване, — так что мне приходится ходить с поцарапанной рожей.

Гость переминается с ноги на ногу и дрожит как овечий хвост. Я любезно отхожу в сторону, впуская его в холл:

— С Новым годом, гости дорогие! Милости просим, коли не шутите.

Глядя на его сизые босые ступни, я и сам начинаю дрожать. Парень неуклюже вбегает в дом, и я закрываю дверь. В доме жарко натоплено и можно быстро согреться. К тому же мы оба еще окончательно не протрезвели (от него тоже пахнет алкоголем — видимо, прежде чем обнажиться на морозе, он основательно нализался).

— Ты кто? — интересуюсь я.

— Не знаю, — бормочет он, и его белое, как у девицы, лицо становится растерянным.

— Вот те на, — я не могу скрыть своего удивления.

Вздыхаю и веду его в свою комнатушку под лестницей. В огромном доме, кроме меня и Федора, никого, но я предпочитаю не привыкать к роскоши. К тому же мне льстит мысль, что я аскет, а не лузер.

Гость кутается в плед, скрючившись на

стуле. Молча пьем чай. Федор невыносим — носится вокруг гостя разъяренным львом и возмущенно орет благим матом.

— Как тебя зовут, помнишь? — спрашиваю я.

— Ниче не помню, — бормочет он и отчаянно трет лоб ладонью.

— Ладно, пока будешь Адамом.

Он обреченно пожимает плечами.

— Пожалуй, Адаму пора одеться, — я ныряю в свой чемодан и швыряю ему спортивный костюм и кеды. Адам с готовностью сбрасывает плед и предстает передо мной в чем мать родила. Опять ныряю в чемодан и достаю новые плавки.

— Как тебя угораздило так оригинально встретить Новый год? — Стараюсь говорить весело, чтобы не расстроить его. Он и без того немного трясет подбородком. Понятно, одетый Адам выглядит спокойнее и увереннее голого Адама, завернутого в плед.

— Не знаю. Проснулся на снегу без одежды, — едва слышно говорит он.

— Везунчик ты! Обычно зимой здесь ни

души. Но месяца два назад в дом влезли грабители, вероятно, озаботившись моей дальнейшей судьбой. Надо заметить, в тот момент я только пережил полный финансовый крах. После ограбления хозяева наняли меня сторожить. Вот, сторожу. Спасибо грабителям. Оказалось — душевные люди.

Адам с опаской смотрит на бесноватого Федора, вцепившегося когтями в его штанину. Кот явно хочет доцарапать до ноги незваного гостя, но штанина плотная и широкая.

— Стукни его, не церемонься, — предлагаю я.

Адам берет со стола свернутую трубой газету и нерешительно тычет ею в морду Федора, пытаясь оттолкнуть его. От этого кот, стервенея еще больше, бросается кусать носок кеда.

Я встаю и отфутболиваю Федора за дверь. Он истошно вопит оттуда. Но мы не обращаем на это внимания.

— Ваш кот похлеще сторожевого пса, — жалуется Адам.

Я согласно киваю:

— Ничего не попишешь, король местных помоек. Его величество султан. Думаешь, тебе одному перепало? Я сам его иногда побаиваюсь.

Улыбаюсь Адаму, желая подбодрить его. Но, по-моему, он совсем скис, уставился в одну точку и чуть не плачет.

— Эврика! — кричу я и сам пугаюсь звука своего голоса. — Не вешай нос, все наладится. А пока предлагаю устроить фейерверк. Я вчера нашел себе полезное занятие — разобрал кладовку. Много хлама выбросил. Так положено — старье под Новый год выбрасывать. В кладовке я наткнулся на фейерверк! Правда, у него срок годности прошел, но стрельнуть можно. В нем тридцать семь запалов. Должно быть феерично. Давай?

Адам молчит, глядя, как узник, приговоренный к пожизненному заключению.

— Будем считать, что ты не возражаешь, — делаю я вывод. — Ты оставайся здесь и смотри в окно, а я выйду во двор и подожгу.

Я, на ходу натягивая куртку, хватаю большой тяжелый куб фейерверка, выбегаю во двор. Над центром двора открытое небо — то, что надо. Я ставлю коробку на землю, проверяю устойчивость, освобождаю фитиль и поджигаю. Он загорается с третьей спички. Потом, погорев немного, затухает. Приходится поджигать снова. Сердце почему-то замирает. Но вот фитиль разгорается по-настоящему. Я стремглав бросаюсь прочь и закрываю уши ладонями. На крыльце оборачиваюсь и столбенею от огней в небе. Разноцветные фонтаны брызжут прямо надо мной. Кажется, что этот яростный свет прольется горячими струями на голову, обожжет и ослепит.

К сожалению, шоу, свистящее и бахающее, быстро заканчивается. Слегка оглохший, я замечаю ошалевшего Достоевского, прильнувшего к моей ноге. Уши его прижаты к голове, рот широко открыт — он явно хочет закричать, но не издает ни звука. Я беру Федора на руки. Он трясется и часто дышит. Видно, не для всех фейерверк — праздник.

Войдя в холл с котом на руках, я вдруг понимаю, что в доме погас свет. Чертыхаясь, направляюсь к себе под лестницу за инструментом. В моей комнатухе не так темно, как в холле, — через окно попадает свет от уличного фонаря. Силуэт Адама едва различим в самом углу. Похоже, он сидит на полу. И тут до моих ушей доносятся тихие всхлипы.

— Ты плачешь, что ли? — бросаю я разочарованно и слышу неожиданный ответ:

— Мне кажется, здесь появился еще кто-то. Но ничего не видно.

Я нахожу свечу на подоконнике. Тусклый свет от ее дрожащего пламени выхватывает из мрака фигуру девушки, завернувшейся в мой плед.

— Глянь, Федор Михайлович, как всем нравится наш плед! Стоило тебе его заметить... А ты как сюда попала? Ты хоть помнишь свое имя в отличие от этого милого юноши?

Девушка молчит, продолжая изредка всхлипывать. Я пытаюсь оторвать от своего свитера окончательно ополоумевшего

Достоевского. У меня ничего не получается и приходится ходить с котом на груди. Его когти больно впиваются в мою кожу. Терплю.

Подхожу к девушке со свечкой в одной руке, а другой поддерживаю трясущегося Федора.

Девушка испуганно смотрит на меня совершенно круглыми глазами.

— Так кто же ты, дитя мое?

Она качает головой и начинает всхлипывать чаще. Волосы у нее короткие, слипшиеся от снега.

— Дорогой Адам, похоже, у нас появилась Ева. Тебе, дружище, придется напоить ее чаем. Я в данный момент занят: во-первых, мне нужно починить электричество, а во-вторых, у меня Федор Михайлович...

Адам медленно и осторожно приближается к девушке. Но внезапно хватается за бок и громко вскрикивает от боли.

— Этого не хватало, — ворчу я. — Что с тобой?

Адам задирает куртку, я подношу свечу

ближе и отчетливо вижу огромный кровоподтек на его ребрах.

— Раньше-то чего молчал? Если не ошибаюсь, нужно сделать тугую повязку.

— Раньше не болело... — мямлит Адам.

Когда генератор подключен, ребра Адама затянуты полотенцем, а девушка одета в мои бермуды и футболку, садимся пить чай. Она испуганно осматривается. Адам смущенно смотрит в сторону.

— Повежливей с девочкой, дружок! — шепчу я ему. — Она — симпатяга. Присмотришься.

Но он упрямо молчит.

— Скоро начнет светать. Спать пора. Завтра будем с вами разбираться.

Я веду их на второй этаж в комнаты для гостей.

— Ева ляжет здесь, — показываю я на кровать.

Она беспрекословно ложится поверх покрывала.

— А для тебя, Адам, кровать в комнате напротив. — Не дослушав меня, Адам ре-

шительно ложится рядом с Евой. Мало того, он обнимает ее, будто и раньше обнимал каждый вечер и это вошло в привычку. Мы с Федором, так и не слезшим с моей груди, изумленно безмолвуем.

Адам сразу же безмятежно, как младенец, засыпает. Ева спокойно улыбается, что кажется мне невероятным после ее недавних рыданий, поголовной потери памяти, истерики кота и поведения Адама. Девушка тоже закрывает глаза, и я вынужден удалиться.

Я никак не могу уснуть. В голове роятся невеселые мысли, какие обычно посещают меня на пороге похмелья.

После фейерверка Достоевского словно подменили. Он вдруг превратился в обыкновенного ласкового кота. (Я подозреваю, что это временно). Он даже мурлычет недолго у меня под боком на диване. Но убаюкать меня своей кошачьей колыбельной ему не удастся. Волнения этой ночи и размышления о странной парочке, спящей наверху, не дают мне покоя.

Я встаю и смотрю в окно. Там — белый пудинг новогоднего утра, как всегда, беззвучного и беспробудного.

Пора побеспокоить моих загадочных гостей и потребовать от них объяснений. Окружающая тишина обязывает идти на цыпочках. Топать по лестнице кажется кошунством. Федор Михайлович вкрадчиво рычит, путаясь у меня под ногами.

Мои голубки лежат точно так же, как я их оставил ночью. Ева не спит и смотрит на меня тревожным взглядом.

— Мы, наверное, должны уйти? — спрашивает она, но не шевелится, боясь разбудить крепко обнявшего ее Адама.

— Зачем же так торопиться? — шепчу я. — Хозяева приедут в апреле. До апреля дом в нашем полном распоряжении.

— А вдруг мы воры? — она удивлена моей доверчивостью.

— Воры не бродят голыми на морозе, — в моей голове хаос, но об этом никто не должен догадаться. — Чем вы разживетесь? Парой мельхиоровых ложек, кастрюлей и телевизором? Вряд ли ради такого

скарба стоит рисковать здоровьем. Неужели в этом доме есть тайник, в котором спрятан клад? — шучу я и осторожно присаживаюсь на край кровати. — Я пришел спросить, вернулась ли к вам память? Вспомнили, кто вы и откуда?

— Я никогда ничего не забываю. Это с Аликом порой такое происходит. — Она легонько целует Адама в лоб. Он теснее прижимается к ней во сне.

— Вы его знаете?

— Мы с ним выросли в одном интернате и уже давно вместе.

— Ну и как там, в интернате?

— Мне не с чем сравнивать.

Ее тон становится безразличным, у рта ложится печальная морщинка. Видно, что эта тема ей неприятна.

— Что с вами случилось?

— Рассказывать с самого начала?

— Как угодно. — Мне неловко за мое любопытство.

— Не сердитесь, прошу вас! — испуганно шепчет она, приняв мой ответ за обиду.

Я вздыхаю:

— Чтобы сердиться, силы нужны, а их у меня сейчас — ноль. Уморился я с вами, и бессонница, знаете ли... Рассказывайте, и пойдем кофе варить.

Обещание кофе явно ей нравится.

— С чего начать? — немного теряется она.

— Начните со своего имени, — предлагаю я.

— Евдокия. Дуся.

— Я почти угадал, назвав вас ночью Евой! — радуюсь я.

Но Дуся моей радости не разделяет. Голос ее печален:

— Пять лет назад мы с Аликом окончили школу. Остались работать и жить в интернате. Алик работал техником. Он все умеет, у него золотые руки. А я — библиотекарем. Нас в третьем классе усыновил наш директор Сергей Петрович Сеницын. По документам мы оба Сеницыны. Сергей Петрович и устроил нас на работу, хотел, чтобы я в университет поступила. Но прошлой весной он умер. А с новым директо-

ром мы не сработались. Пришлось уехать.

— Почему?

— Он на меня глаз положил. Сначала намекал, потом прямо потребовал, как он сам выразился, «знаков особого внимания». Начал преследовать. Я от Алика скрывала. Думала, сама справлюсь. Но вчера он нас с Аликом застал... Ну, вы понимаете.

Я поспешно киваю.

— Так вот, вчера вечером директор поднял страшный шум и выгнал нас с треском за аморальное поведение.

— А дальше? — Мне не терпится узнать всю историю.

— Мы подались в город. Остановили попутную машину, но до гостиницы не доехали. Их было трое, и они нас ограбили, раздели и выбросили на дорогу. Я помню, что Алика стукнули по голове, и он отключился. Они вливали ему в рот водку и ржали, гады! К моему горлу приставили нож. И все. Я очнулась у ваших ворот.

— Какой кошмар!

Дуся осторожно выскальзывает из объятий посапывающего Алика. Она выглядит

нелепо: моя одежда висит на ее хрупкой фигуре, ее светлые волосы всклокочены. Она напоминает очаровательное огородное пугало с круглыми голубыми глазами.

Я замечаю, что у Алика волосы одного цвета с Дусиными.

— Спасибо вам! Вы нас спасли. — В ее глазах слезы.

— И вы, и Алик родились в рубашках. Ваши обидчики впопыхах не заметили этого дома. Он стоит на отшибе и в низине. Вас сбросили на обочину дороги, и вы оба скатились прямо под мой забор, но в разных местах.

Круглые голубые глаза соглашаются со мной.

Мы пьем кофе у меня в коморке, ожидая пробуждения Алика.

— Алик добрый, но слишком наивный и доверчивый. Я очень его люблю, — простодушно признается Дуся.

Достоевский, сидящий рядом со мной на диване, мяукает протяжно и вдохновенно. Ему не хватает моей заботы. Его начинает это раздражать.

— В один дом в поселке требуется сторож с проживанием. Это недалеко отсюда. Временное, но пристанище. Могу поговорить, — предлагаю я.

— Может быть, нам повезет.

— А как же вы в дом попали?

— Я стрельбы в небе испугалась, побежала... Получается, в доме спряталась.

— Это я Адама, то есть Алика, развлечь старался. Фейерверк затеял. И, если позволите, последний вопрос. Что с Аликом, с его памятью?

— Ерунда. Случаются провалы. Его сильно били в детстве, пока родителей-алкашей не лишили прав. Но я сумею о нем позаботиться, — уверяет она.

— Не сомневаюсь. Вы же Адам и Ева. А до этого вы были единым существом. Что скажете?

Дуся заразительно смеется и весело подтверждает:

— Мы были андрогином⁴. Ваш фейер-

⁴ - **Андрогин** (др.-греч. от муж, мужчина» и женщина») — «идеальный» человек, наделенный внешними признаками обоих полов, объединяющий в себе оба пола либо лишенный каких бы то ни было половых признаков.

верк разделил андрогина на две части — мужчину и женщину. Даже синяки на ребрах Алика соответствуют. Место отделения. Я об этом мифе много читала.

— Ах да! Я забыл — вы же библиотекарь. Библиотекари люди искушенные, — добродушно подтруниваю я.

Она пропускает это мимо ушей.

— Я верующая и не понимаю, зачем Господу опять творить первочеловеков?

— Может, он хочет что-то исправить в человеческой природе? А наказывать, затевая конец света, — дело хлопотное, а ему недосуг.

Вижу, что мои шуточки не нравятся Дусе. Она хмурится.

— Я атеист, — признаюсь я.

В ее глазах — ужас. А меня это забавляет. Я смеюсь.

— Пойду на кухню варить кофе для нас и Адама. Должен же он когда-нибудь проснуться.

Сижу во дворе и присматриваю за Достоевским, полностью вернувшим свои ди-

карские замашки. А Достоевский наблюдает за воробьиной возней у большого почерневшего сугроба. Думаю о кошачьей беспардонности и сотворении человека Новогодней ночью. Черт знает, почему я абсолютно уверен в том, что Алик и есть очередной первочеловек, появившийся передо мной андрогин, до поры соединявший в себе женскую и мужскую половинки вплоть до момента отделения от его ребер Евдокии.

Моя уверенность не поддается логике и совсем не зависит от событий первого январского вечера.

Помню — открываю глаза и вижу склонившуюся надо мной нахальную Федыкину физиономию. Не понимаю, каким образом я оказался лежащим на полу в холле (кажется, всего лишь минуту назад мы мирно пили кофе и подкреплялись омлетом). Вскликаю, бегу, распахиваю двери настежь и вижу отъезжающий микроавтобус. Алик машет мне рукой из окошка и кричит:

— Не обижайся, дядя, работа у нас такая.

Ему вторит Дусин голос, хотя ее не видно:
— Про интернат все правда! Ты класс-
ный! Будь счастлив!

Микроавтобус быстро скрывается за во-
ротами.

Замечаю, что я голый и завернут в плед.
Похоже, это становится традицией этого
дома. Мои глаза фиксируют пропажу ков-
ра, двух фарфоровых ваз и нескольких кар-
тин, ценность которых мне неизвестна. По-
дозреваю, что примерно в таком же виде
и остальные помещения охраняемого мной
дома. На темени болит большая шишка.

Отрабатывать утраченное имущество
мне теперь предстоит до самой пенсии.
Если, конечно, хозяева не укокошат меня
от расстроенных чувств.

Удивительно, но злости по отношению
к вероломным гостям я не испытываю. По-
делом мне, старому дебилу! Жаль все-таки,
что сочиненная ими легенда не оказалась
правдой.

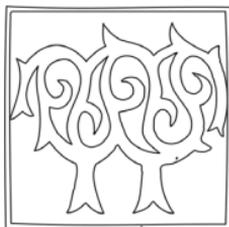
— Хороший сторожевой кот не отвле-
кается от служебных обязанностей попус-
ту! — говорю я Федору, но он продолжает

цепко следить за воробьями. Наверное, в его голове созревает коварный план, недаром он хищно сверкает глазами.

С забора осторожно и мягко спрыгивает соседская кошка Сильва. С некоторых пор ангорская красotka завладела сердцем Федора Михайловича. Заметив Сильву, он забывает о воробьях и бросается к ней.

— Федька! — кричу я ему вслед. — Я решил в этом году называть тебя Имре Кальманом. Если появилась Сильва, как обойтись без Кальмана? Годится?

ШТАНЫ НА ГОЛОВУ,
или
ВЕРНИ МАННУ НЕБЕСАМ!

Началось все с того, что бомж Гриша, живущий в уютном подвале одной из хрущевок, лишился штанов. Штаны исчезли ночью самым загадочным образом. Ведь Гриша их никогда не снимал. Уснул, как обычно, в штанах, проснулся — без. Рубашка на нем, куртка со стильно оторванными рукавами — тоже, кроссовки (правый белый с синими полосками, левый — наоборот) аккуратно стоят рядом, высунув языки, а штанов нет.

Гриша недоумевал. И в полном недо-

умении вышел во двор. Он огляделся, видимо, в надежде отыскать свои штаны. Но тщетно.

Раннее утро пока не выпустило крикливых мамаш, ответственных работников и озабоченных пенсионеров из квартир. Гриша бродил по двору в одиночестве. Без штанов. Длинная рубашка прикрывала тощие бедра до середины, но этого было недостаточно, чтобы ощущать себя полноценным членом общества. Грише было грустно. Он вздыхал и тихо чертыхался.

Присев на бетонную плиту, оставшуюся от строительства гаражей, он закинул ногу на ногу и стал рассматривать свое голое острое колено.

Вдруг рядом с ним на плиту шмякнулись черные джинсы. Гриша осторожно дотронулся до них. Они были настоящие. «Манна небесная», — подумал Гриша и, поспешно схватив дар небес в охапку, бросился к себе в подвал.

Через несколько минут Гриша вышел во двор совсем другим человеком. Джинсы сидели на нем, как влитые, и приятно

касались кожи. Он прошелся по двору, словно по подиуму. Но оценить наряд было некому. Двор субботним утром еще спал. Тогда Гриша отправился на улицу. По дороге он пошарил в карманах обновки и с изумлением извлек оттуда мобильный телефон.

Вернувшись домой под утро, юный жиголо Марик спать не ложился. Его любовница Милена Петровна подарила ему накануне дорогуший фирменный джинсовый костюм. Марик разложил костюм на кровати и любовался им. Потом примерял, крутясь перед зеркалом. Устав, он решил сварить кофе. Пока закипал чайник, Марик глазел в окно. Он увидел странную личность без штанов, прохаживающуюся задумчиво по двору. «Наверное, трудно живет человеку без штанов», — сочувственно подумал Марик.

В порыве лучших чувств и великодушия он вышвырнул свои старые протертые джинсы через форточку. Они летели вниз раненой черной птицей и упали как раз

куда требовалось. Когда бомж взял их, Марик обрадовался, почувствовав себя благодетелем всего человечества. Это было чертовски приятно. Еще никогда утренний кофе не доставлял Марику такого удовольствия.

Никита нежно сжимал руль своего джипа. Почти своего. Условие, поставленное отцом для безраздельного владения машиной, было выполнено. Почти выполнено. Никита проездил без аварий целый год. Вернее, год истекал сегодня. Вечером у нотариуса джип станет его собственностью. Спасибо, папа! Царский подарок! Вот оно, счастье!

Внезапно перед Никитиными глазами что-то мелькнуло. Тормоза взвизгнули. В следующее мгновение он почувствовал глухой удар. Никита выскочил из машины. На мостовой сидел бомж и ошалело смотрел на большущую прореху на своих штанах.

— Скотина! Ты мне бампер помял! — чуть не плача крикнул Никита.

— А ты... А ты... Мне штаны разорвал.

Новые! — пробормотал бомж.

— Все насмарку! Не видать мне теперь джипа, как своих ушей! Пьяная сволочь! — сокрушался Никита, толкая Гришу в бок.

— Все насмарку, все насмарку, — вторил ему Гриша.

Марик весело напевал, любовно складывая костюм в шкаф. «Нужно позвонить Милене, пожелать доброго утра», — подумал он и принялся искать телефон. Он искал его до самого обеда. Потом вспомнил, что оставил трубку в кармане старых штанов, улетевших в форточку. Стало обидно до слез. «Надо же, навороченный смартфон бросил бомжу. Балбес!», — ругал себя Марик. И он до вечера впал в депрессию.

Гриша тоже впал в депрессию. У него разболелась голова, чего раньше никогда не случалось. Уставившись в грязную стену, он лежал у себя в подвале. Без штанов. Джинсы валялись в дальнем углу. Одна штанина была почти оторвана.

Так лежать он мог бы долго, если бы не

зазвонил мобильник.

— Алле, — вкрадчиво произнес Гриша в трубку.

— Солнышко, ты примерил подарок? Скажи, чего тебе не хватает для полного счастья, золотой мой? — услышал он бархатный женский голос.

«Это ангел» — подумал Гриша и ответил шепотом:

— Новых штанов.

Содержание:

Лестница из слов Эмы Леус	3
Бонсай	5
Время встречи переносится	13
Все дороги ведут в....	28
Глиняные крылья.	46
Детская площадка.	68
Замороженный консьержи.	86
Замок с придурью.	111
Обратный отсчет..	132
Флейта, Жужа и Денек.	158
Фейерверк для Достоевского, или сотворение человека..	179
Штаны на голову, или верни манну небесам!.	201

